

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Девушка с Лэгар-стрит

«Головокружительный сюжет!»

Орхак.com

TRADD STREET. КНИГА 2

Tradd Street

Карен Уайт

Девушка с Легар-стрит

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт К.

Девушка с Легар-стрит / К. Уайт — «Эксмо», 2009 — (Tradd Street)

ISBN 978-5-04-104943-0

После того как Мелани получила в наследство особняк, ей выпал шанс встретиться наконец со своей матерью Джинетт, оперной певицей, которая вернулась в город после тридцатилетнего отсутствия. Джинетт уверяет, что их вынужденная разлука – способ уберечь дочь. Но от чего? По просьбе матери Мелани, имеющая дар общаться с духами, вступает в контакт с опасным призраком, обитающим в старинном доме на Легар-стрит. На помощь ей приходят обаятельный писатель Джек и журналистка Ребекка, которая уж слишком заинтересована в паранормальных явлениях, происходящих в городе.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104943-0

© Уайт К., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Карен Уайт

Девушка с Легар-стрит

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2019

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Тусклое зимнее солнце на небе цвета потертого пятицентовика потерпело неудачу в своей тщетной попытке согреть ноябрьский утренний воздух. Даже в шерстяном пальто я дрожала от холода. Моя чарльстонская кровь не привыкла к редким волнам ледяного воздуха, что время от времени обрушиваются на Священный Город, чтобы в очередной раз напомнить нам о том, почему мы предпочитаем жить в этом прекрасном городе, чьи жители – и живые, и мертвые – сосуществуют подобно свету и тени.

Рывком открыв дверь в кафе «Сити Лайтс», – наперекор ветру у меня за спиной, грозящему захлопнуть ее снова, – я вошла внутрь. Оглядевшись по сторонам, я заметила Джека за столиком у окна. Перед ним уже стоял латте с дополнительной порцией взбитых сливок и внушительных размеров булочка с корицей. Мгновенно заподозрив недоброе, я осторожно приблизилась к столу.

– Что тебе нужно? – спросила я, указав на латте и булочку с корицей.

Он поднял на меня пронзительно-голубые глаза, которые я последние шесть месяцев своей жизни упорно старалась не замечать. Его невинный взгляд наверняка вынудил бы меня улыбнуться и закатить глаза, если бы не застарелый страх, который преследовал меня на всем пути от моего дома на Трэдд-стрит до Маркет-стрит.

Это было довольно сильное чувство; я даже на пару мгновений задержалась перед входом в кафе в надежде определить, что же это такое. Мне очень хотелось думать, что это просто недосып, вызванный телефонным звонком в два часа ночи, после которого я так и не смогла заснуть. Это было бы вполне приемлемое объяснение, но в моем мире, где телефонные звонки от давно умерших людей не были таким уж необычным явлением, меня оно не удовлетворило.

– Доброе утро, Мелани, – весело произнес Джек. – Неужели мужчина не может просто купить красивой женщине завтрак, не ожидая ничего взамен?

Я сделала вид, будто на мгновение задумалась.

– Нет, не может.

Расстегнув пальто, я аккуратно перебросила его через спинку стула и лишь после этого села. От меня не скрылось, что все женщины в ресторане, включая седовласую даму с инвалидным ходунком за столиком у бара, не сводили глаз с Джека и с подозрительным прищуром посматривали на меня.

Да, Джек Тренхольм был слишком хорош собой, чтобы быть писателем, особенно автором исторических документальных детективов. Ему полагалось быть лысым толстячком с седой бородкой, любителем толстых водолазок, которые обтягивали бы его брюшко, с пожелтевшими от курения зубами, в которых зажата вездесущая трубка. К сожалению, как и в прочих вещах, Джек даже не пытался соответствовать этому стереотипу.

– Итак, что тебе нужно? – снова спросила я, вынув из сумочки флакон с дезинфицирующим средством для рук и пшикнув себе на ладонь. Затем я предложила флакон Джеку, но тот отрицательно покачал головой и сделал глоток черного кофе. Высыпав в свой латте два пакетика сахара, я снова посмотрела на него, о чем тут же пожалела. Его глаза были гораздо голубее, чем следовало. Их насыщенный цвет не нуждался в помощи темно-синего свитера, который был на нем в это утро. Но когда он посмотрел на меня, в его глазах что-то мелькнуло – нечто похожее на беспокойство, отчего я даже поерзала на стуле.

– Как поживает Генерал Ли? – спросил Джек, пропуская мимо ушей мой вопрос, и, посмотрев в окно, бросил взгляд на часы.

Я проглотила кусочек булочки с корицей.

– С ним все в порядке, – ответила я, имея в виду маленького черно-белого пса, которого я вопреки моему желанию унаследовала вместе со старинным домом на Трэдд-стрит.

– Ты все еще держишь его по ночам на кухне?

Я отвела взгляд в сторону:

– Нет. Не совсем.

По лицу Джека расплылась широкая ухмылка.

– Теперь он спит в твоей комнате, не так ли?

Чтобы увильнуть от ответа, я откусила большой кусок булочки, в очередной раз раздраженная пронизательностью Джека в том, что касалось меня и моих склонностей. Не сумев спихнуть Генерала Ли моей лучшей подруге Софи Уоллен, которая оказалась аллергиком, я горячо клялась всем, кто был готов меня выслушать, что я не собачница и не намерена держать животное у себя в доме.

– Он спит в ногах твоей кровати, не так ли? – Джек даже не пытался скрыть легкую издевку в голосе.

Все так же старательно избегая смотреть на него, я сделала большой глоток латте.

Джек скрестил руки на груди и с самодовольным выражением лица откинулся на спинку стула.

– Или же на подушке рядом с тобой... я угадал?

– Ну, хорошо, – сказала я, со стуком ставя чашку на стол. – Он больше нигде не желает спать, понятно? Стоило оставить его в кухне, как он тотчас начинал скулить, и когда я принесла его в свою комнату, он сел рядом с кроватью и всю ночь смотрел на меня, пока я не положила его рядом с собой. Спать на моей подушке – это целиком и полностью его идея. – Я отодвинула от себя чашку. – Но это вовсе не значит, что я его люблю и все такое прочее. Просто он показался таким... Одиноким.

Поставив локти на стол, Джек подался вперед:

– Может, мне тоже стоит притвориться, что я одинок, и посмотреть на тебя грустными щенячьими глазами. Вдруг из этого что-то получится?

Я пристально посмотрела на него, стараясь подавить предательское волнение в области живота.

– В конечном итоге ты оказался бы в ящике на кухне.

Я отодвинула пустую тарелку и сделала знак официантке.

Джек улыбнулся и покачал головой:

– Знаешь, в один прекрасный день эти калории начнут прилипать к тебе, и ты, как и все мы, простые смертные, будешь вынуждена следить за тем, что ты ешь.

Я пожала плечами:

– Ничего не могу поделать с собой. Это наследственное. Моя бабушка по материнской линии до самой своей смерти была стройной, как тростинка, однако ела она, как полузащитник из футбольной команды.

– И твоя мать тоже?

Наши взгляды встретились, и я увидела, что он больше не улыбается.

– Откуда мне это знать? Я не видела ее больше тридцати лет.

Что не вполне соответствовало истине. Я пару раз случайно видела знаменитое сопрано – певицу Джинетт Приоло, – но только по телевизору, держа в руке пульт дистанционного управления и перещелкивая каналы. Помнится, я не смогла быстро перескочить на другой канал с канала Пи-би-эс, по которому шла какая-то постановка Метрополитен-опера. Но истина заключалась в том, что моя мать оставалась такой же стройной и красивой, какой она была, когда без оглядки бросила свою семилетнюю дочь.

Темнота, которая витала надо мной все утро, внезапно опустилась и на наш угловой столик, загородив собой свет, как будто кто-то щелкнул выключателем. К горлу тотчас подкатил комок тошноты, волосы на затылке встали дыбом. Я в панике посмотрела на Джека – инте-

ресно, заметил ли он что-то? Но нет, его взгляд был устремлен куда-то через мое плечо, и он, похоже, ничего не замечал.

– Кстати, ты очень похожа на нее. – Взгляд Джека вновь переместился на мое лицо, и тревога в его глазах тотчас сменилась раскаянием.

– О боже, Джек, как ты мог! – Я привстала из-за столика, но он взял меня за руку.

– Мелани, она сказала, что это вопрос жизни или смерти, ты же избегаешь встреч с ней и не отвечаешь на ее телефонные звонки. Ей просто не к кому было больше обратиться.

Я огляделась по сторонам, в поисках другого выхода, кроме той двери, через которую вошла. Интересно, подумала я, удастся ли мне выбежать через кухню прежде, чем меня кто-нибудь заметит? Но тут мне на плечо легла чья-то маленькая рука в перчатке. Меня тотчас ослепила вспышка света, как будто кто-то отдернул от окна штору, впуская внутрь солнечный день. Тьма мгновенно рассеялась. Легонько сжав мое плечо, она отпустила руку, но свет остался. Я же продолжала гадать, слышала ли я на самом деле в тот момент, когда тьма исчезла, вздох и шепот, или же это было лишь плодом моего воображения.

Я посмотрела в лицо женщины, которая когда-то была для меня целым миром. Тогда я была слишком мала, чтобы понимать превратности человеческой природы и то, что не всегда хочется называть кого-то мамой.

– Привет, Мелли, – сказала она приятным, мелодичным голосом. Голос этот преследовал меня в моих грезх долгие годы, пока я не подросла в достаточной степени, чтобы убедить себя, что мне больше нет необходимости его слышать.

Я поморщилась, услышав ласковое имя, которое она когда-то дала мне, – имя, которым я никому не позволяла меня называть, пока не встретила Джека. Тот упорно называл меня Мелли независимо от того, нравится мне это или нет.

Я повернулась к Джеку, и моя ярость легко обернулась против него.

– Ты ведь все это подстроил, верно? Ты знал, что я не хочу ее видеть или разговаривать с ней, но ты все равно это подстроил. Как ты посмел? Кто дал тебе право влезать без спросу в чужие дела? Мало того, что это не имеет к тебе никакого отношения, я не желаю иметь с этим ничего общего, о чем не раз тебе говорила. – Я на секунду умолкла, чтобы перевести дух. Я демонстративно игнорировала присутствие матери – для меня это был единственный способ сохранить некое подобие спокойствия. – Я не желаю видеть тебя. Никогда.

Джек выгнул бровь, и я поняла: мы оба вспомнили, как я однажды уже произнесла те же самые слова. Я подалась вперед и ткнула пальцем в его обтянутую свитером грудь.

– В данный момент так оно и есть. Говорю тебе абсолютно серьезно.

Я встала, намереваясь как можно элегантнее удалиться, но вместо этого случайно задела столик и выплеснула остатки моего латте, а заодно опрокинула два высоких стакана с водой. Чтобы избежать потопа, я, пока наша официантка и ее помощник устраняли последствия стихийного бедствия, поспешила пересесть на соседний стул. Моя мать тотчас воспользовалась возможностью и пересела на мой, ловко зажав меня между собой и окном. Правда, ей пришлось лицеизреть мой профиль, так как я упорно отказывалась смотреть на нее.

– Прошу тебя, не сердись на Джека. Я признаю, что воспользовалась дружбой с его матерью, чтобы уговорить его помочь мне. Амелии Тренхольм трудно сказать «нет», даже если ты ее сын.

Я знала Амелию и даже любила ее, но сей факт не уменьшил моего желания как можно быстрее покинуть кафе, лишь бы не видеть мою мать.

– Мне более тридцати лет было нечего сказать тебе, мама, – произнесла я, тупо глядя в деревянную столешницу. – И я не думаю, что с тех пор что-то изменилось. Так что если ты не возражаешь, то я пойду. В девять у меня назначена встреча с клиентами... они хотят посмотреть дома в Олд-Вилидж, и я не хочу опаздывать.

Она даже не шелохнулась, и я была вынуждена все так же созерцать темную поверхность столешницы. Я не осмеливалась смотреть перед собой, мне не хотелось видеть упрек в глазах Джека.

Моя мать сложила на столе руки – все еще в перчатках, – и я подумала: она носит их по привычке или все еще по необходимости?

– Мне нужна твоя помощь, Мелли. Дом твоей бабушки на Легар-стрит снова выставлен на продажу, и мне для его покупки нужна твоя профессиональная помощь. Все говорят, что ты лучший риелтор во всем Чарльстоне.

Лишь тогда я решилась поднять глаза. Моему взору предстали темные волосы, собранные в низкий хвост, безупречная кожа, высокие скулы и зеленые глаза, какие я всегда мечтала иметь вместо отцовских карих. Лишь тонкие лучики морщинок в уголках глаз и вокруг рта свидетельствовали о том, что она стала старше с того вечера, когда пожелала мне спокойной ночи, тогда как на самом деле должна была сказать «прощай».

– В Чарльстоне, мама, кроме меня, есть сотни других риелторов, таких же компетентных, как и я, и они охотно помогут тебе купить дом. Другими словами, нет, спасибо. Я не так сильно нуждаюсь в зарработке.

К моему удивлению, мать улыбнулась.

– Ты не сильно изменилась, – заметила она.

– Откуда тебе это знать? – парировала я, желая стереть улыбку с ее лица.

Джек шумно втянул в себя воздух.

– Мелли, я знаю, что тебе больно. Я бы никогда не стал участвовать в этом, если бы считал, что твоя мать приехала сюда лишь для того, чтобы сделать тебе еще больнее. Все гораздо сложнее, и я думаю, что тебе лучше выслушать ее. Ей кажется, что тебе угрожает опасность.

Я хотела недовольно закатить глаза, но сдержалась.

– Понятно. Тогда скажи ей, что я в состоянии сама позаботиться о себе. В конце концов, я делаю это уже более тридцати лет. Кстати, я говорю не с тобой, или ты забыл?

– Мне снятся сны, – тихо произнесла моя мать. – Каждую ночь. Сны про лодку на морском дне, которую спустя много лет поднимают на поверхность. В этом есть нечто... недоброе. – Она пристально посмотрела мне в глаза. – И это нечто ищет тебя.

Горло мне как будто тотчас сжала невидимая рука.

Я тотчас вспомнила телефонный звонок, разбудивший меня прошлой ночью, и чувство страха, сопровождавшее все утро. Меня не отпускало странное ощущение, будто я провалилась сквозь тонкий лед в холодную воду. Я сглотнула, ожидая, когда ко мне снова вернется дар речи.

– Это был сон, мама. Всего лишь сон. – Я надела пальто и дрожащими пальцами попыталась застегнуть пуговицы. Увы, пальцы меня не слушались, и я оставила эту затею. – Мне действительно пора. Если тебе нужен хороший риелтор и моя рекомендация, позвони нашему секретарю Нэнси Флаэрти, и она перенаправит тебя к кому-нибудь из них.

– Я пыталась дать о себе знать после того, как уехала. Честное слово.

Я тотчас вспомнила все то, что хотела сказать ей, – все те слова, которые я репетировала, чтобы произнести, если когда-нибудь увижу ее снова, – но теперь, когда у меня возникла такая возможность, все они как будто куда-то пропали. Вместо этого я сказала:

– Нужно было пытаться лучше.

К моему удивлению, мать встала со стула и протянула мне визитную карточку, держа ее двумя пальцами затянутой в перчатку руки.

– На, возьми мою карточку... тебе она понадобится. Это нечто ищет тебя не впервые. Но теперь ты уже взрослая и способна воспротивиться ему. – Она помолчала. – Мы не такие, какими кажемся, Мелли.

И вновь я испытала ощущение, схожее с погружением в ледяную воду, и не смогла выдать из себя ни слова. Не сделав ни единого движения, чтобы взять карточку, я смотрела на

мать. Подождав пару мгновений, она положила ее на стол и, коротко попрощавшись с Джеком, ушла, оставив в воздухе аромат орхидей и застарелой скорби.

Я вновь повернулась к Джеку, но он поднял руку.

– Знаю. Ты не хочешь говорить со мной или видеть меня снова. Я понял. Но мне кажется, тебе все-таки стоит прислушаться к матери. Ее способности медиума хорошо известны, и она знает, о чем говорит. Конечно, она может ошибаться. В конце концов, у тебя ведь тоже есть подобный дар, верно? И ты ничего не видишь, никакой опасности. Но что, если она права? Вдруг тебе на самом деле угрожает опасность? Не лучше ли заранее знать об этом?

– Почему тебя это так волнует? – Я уже собралась уходить, но Джек схватил меня за запястье.

– Гораздо больше, чем ты хотела бы думать.

Наши взгляды на короткий миг встретились, но я поймала себя на том, что не могу выдержать взгляд Джека. Он отпустил мою руку, и я развернулась и направилась к двери. Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать, что он взял со стола карточку моей матери и теперь осторожно кладет ее в портмоне.

Глава 2

Когда я наконец добралась до офиса «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит, я почти ооченела. Рывком открыв дверь – мой гнев еще не до конца остыл от холода, – я дала ей с грохотом захлопнуться у меня за спиной.

– Черт! – Наша секретарша, Нэнси Флаэрти, стояла с телефонной гарнитурой на голове. Одна ее рука лежала на бедре, в другой она сжимала клюшку для гольфа. По всей видимости, пропустив удар из-за моего шумного появления, она хмуρο посмотрела на меня.

– Извини, что помешала твоей тренировке, Нэнси. В следующий раз я буду осторожнее, – пообещала я, проходя мимо нее, чтобы взять со стойки вешалку. Похоже, мой сарказм не достиг цели. Нэнси была уверена, что все разделяют ее мнение о том, что гольф непременно заменит бейсбол в роли главного национального спорта, и поэтому понимают, что ее стремление к совершенству в этой игре имеет безусловный приоритет над всем остальным. Включая ее работу. – Есть для меня сообщения?

Она даже не подняла голову, ибо все ее внимание было сконцентрировано на новом ударе.

– Только твои девять часов. Они немного опаздывают и будут здесь в девять тридцать.

Я расправила на вешалке плечи моего пальто и застегнула его спереди, чтобы оно висело ровно.

– Отлично, спасибо.

Я направилась было в свой кабинет, но затем вернулась и встала перед Нэнси. Ее клюшка тотчас застыла в воздухе, а она сама посмотрела на меня.

– Еще кое-что. Если Джек Тренхольм позвонит, меня здесь нет. Я не хочу говорить с ним. Никогда.

– Опять? – спросила она, опуская клюшку и вновь глядя на мяч.

– Не поняла?

– Все ясно. Тебя здесь нет, если он вдруг позвонит или зайдет. Поняла.

Я уже направилась к себе, но она окликнула меня:

– И тебя все еще нет, если позвонит твоя мать.

– Именно. Но если она позвонит и скажет, что ей нужен риелтор, соедини ее с Джимми. На этот раз Нэнси опустила клюшку и повернулась ко мне:

– Мелани, это некрасиво.

– По отношению к Джимми или к моей матери?

Нэнси покачала головой:

– Ты же знаешь, что после того ужасного инцидента в театре на Док-стрит он вновь принимает лекарства.

– Это было до или после того, как он выкрасил свое голое тело в пурпурно-оранжевый цвет и выбежал на поле на последнем матче Клемсон против Университета Южной Каролины?

– После. Он хороший парень, но я думаю, что ему нужно направить свою энергию в более продуктивное русло. – Нэнси покачала головой. – И хотя ему неким чудом удается быть отличным риелтором, я не думаю, что он готов или в достаточной мере квалифицирован, чтобы прямо сейчас вращаться в приличном обществе.

– Знаю. Именно поэтому я и подумала, что он и моя мать отлично поладят. – Я не стала ждать ответа и поспешила вернуться в свой кабинет. Закрыв за собой дверь, я прислонилась к ней и глубоко вздохнула.

Оставшись наконец одна, я постепенно осознала весь смысл того, что только что произошло в кафе. Подойдя к своему рабочему месту, я буквально рухнула в кресло и, чтобы успокоиться, вцепилась в край стола. Тридцать три года, сказала я себе. Прошло тридцать три года

с того момента, когда я в последний раз видела мою мать, и вот неожиданно, в нормальный во всех остальных отношениях день, она вновь появилась в моей жизни.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Мне хотелось полностью стереть из памяти этот эпизод – то, как она выглядела и как звучал ее голос. Но ее последние слова продолжали крутиться в моей голове, словно оторвавшийся от ветки и подхваченный ветром листок, который не знает, куда ему упасть. Мы не такие, какими кажемся. Конечно, я слышала эти слова и раньше. Недавно даже по телефону точно такие же слова были сказаны мне женщиной, которая была мертва более трех десятилетий.

На моем столе зазвонил телефон. Я тотчас вздрогнула и, вспомнив, где я нахожусь, подняла на третьем звонке трубку.

– Мелани, у меня на первой линии есть потенциальный клиент. Специально для тебя.

– Кто это? – спросила я. Я была готова поговорить с кем угодно о чем угодно, кроме снов, матерей или телефонных звонков от мертвых.

– Ее зовут Ребекка Эджертон. Говорит, что она давняя знакомая Джека. Но только ты не слишком переживай, – поспешила добавить Нэнси. – Я не думаю, что она в курсе, что вы с ним не разговариваете. В очередной раз.

Я тяжело вздохнула в телефон:

– Хорошо. Соединяй. Кто знает, вдруг она мне понравится.

В трубке раздался щелчок, а за ним – мягкий женский голос с явными переливами чарльстонского говора.

– Алло! Это Мелани Миддлтон?

– Да, это она, – сказала я, размышляя о том, откуда она знает Джека.

– Я репортер из «Пост энд куир». Обычно я не звоню моим потенциальным источникам с бухты-барахты, но наш общий друг Джек Тренхольм сказал, что вы не обидитесь.

Я недоуменно выгнула бровь:

– Неужели? То есть дело не касается недвижимости?

– Нет. Не совсем. Просто я пишу статью о знаменитых чарльстонцах, живших в последние пятьдесят лет, и хотела бы задать вам несколько вопросов о Джинетт Приоло Миддлтон. О вашей матери.

Я была слишком ошарашена, чтобы сразу бросить трубку. Вместо этого я лишь промолчала.

– Первым делом хочу заступиться за Джека. Он предупредил меня, что вы и ваша мать в течение нескольких лет не общались и что, возможно, вы не готовы ответить на все мои вопросы. Но потом Джек посоветовал мне упомянуть о том, сколько людей читают нашу газету, и что, прочитав о том, что вы дочь известной оперной певицы, они заинтересуются и вы получите много новых клиентов.

Мои щеки вспыхнули румянцем: как же точно этот поганец Джек умеет читать мои мысли! Моя карьера уже давно была для меня приоритетом номер один. Но он был не прав насчет одной вещи.

– Продолжайте, – выдавила я.

– Хотя моя история будет о вашей матери, я подумала, что, если сначала узнаю ваш взгляд на эту историю, это может стать откровением для читателей. Я имею в виду, она ведь всемирно известная оперная дива. Но какой ценой она добилась славы? Насколько мне известно, она бросила вас, когда вы были еще ребенком, чтобы посвятить себя сценической карьере. Это наверняка оставило след в вашей душе.

Мы не такие, какими кажемся. Я сглотнула. Спокойствие давалось мне с великим трудом.

– Она ушла вовсе не из-за этого.

Возникла короткая пауза.

– В самом деле? А мне говорили, что именно поэтому. Тогда почему же тогда она ушла?

Я вспомнила дни после смерти моей бабушки Приоло – та упала с лестницы в своем доме на Легар-стрит, вспомнила, как над домом и садом опустилась тьма, полностью заглушив все летние звуки, как будто мы внезапно погрузились под воду.

А потом я вспомнила, как моя мать укладывала меня спать, и когда она склонилась надо мной, ее горячие слезы упали мне на лоб. Она сказала мне, что есть вещи, которые мне сложно понять по причине моего юного возраста, и что я слишком слаба, чтобы бороться, и что иногда люди вынуждены делать единственно правильные вещи, даже если при этом им приходится расставаться с теми, кого они любят больше всего на свете. Я хорошо помнила приглушенные голоса людей, которых там не было.

Я помнила их, потому что тогда я слышала их в последний раз. Затем мама сказала, что любит меня, и, пожелав мне спокойной ночи, поцеловала. Я тотчас уснула, а когда проснулась утром, то увидела в моей комнате отца. Он собирал мои вещи. Он сказал мне, что мама ушла и что теперь я буду жить с ним на военной базе в Японии.

Я усилием воли заставила себя вернуться в настоящее.

– Я не знаю, – проямлила я. – Спросите это лучше у нее самой.

Я собралась было положить трубку, но Ребекка заговорила снова:

– Вообще-то, я уже спрашивала. И она посоветовала мне спросить вашу бабушку по материнской линии, Сару Маниго Приоло. Но из архивных данных явствует, что она умерла в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. Это правда?

Я молчала, не зная, что ей ответить, и наконец решила сказать правду:

– Да, это правда. Моя бабушка умерла, когда мне было семь лет.

– Тогда почему ваша мама предложила мне...

– До свидания, мисс Эджертон. Извините, но я ничем не могу вам помочь.

* * *

Я положила трубку, но еще долго не выпускала ее из руки, размышляя о том, почему после стольких лет моя мать решила вернуться и почему она приплела к этому мою бабушку.

Несмотря на продуктивную встречу с моими новыми клиентами и два встречных предложения по домам к югу от Брод-стрит и на острове Даниэль, соответственно я возвращалась домой явно не в духе. Но стоило мне заехать в старинный каретный сарай за моим домом на Трэдд-стрит, теперь превращенный в гараж, как меня охватило безмятежное спокойствие.

Хотя я ни за что не признавалась бы в этом, но грандиозная работа по восстановлению старого дома подарила мне великое чувство гордости и самоуважения. Поскольку я достигла этой стадии в известной мере случайно и лишь благодаря упорству моих друзей, поставивших перед собой цель сохранить этот памятник истории, я не торопилась признаться им, что мне нравится этот особняк и что я чувствую себя в нем как дома. И что я с нетерпением жду следующего проекта.

Увидев рядом с бордюром ярко-зеленый «Фольксваген»-«жук» Софи, я невольно улыбнулась. Преподаватель чарльстонского колледжа, читающая курс исторической реставрации, Софи Уоллен была не только моей лучшей подругой, но и моей правой рукой в реставрационных работах, что полным ходом шли в моем доме. Улыбка слегка померкла, когда я поняла: Софи была не только моей правой рукой, но и моей совестью. Она бы точно выведала у меня – если Джек уже не сказал ей – подробности моего разговора с матерью этим утром, а потом выговорила бы мне за то, что я не предложила матери пожить у меня, пока я буду заниматься покупкой дома на Легар-стрит.

Вздыхнув, я прошла через садовые ворота и по ступенькам поднялась к входной двери чарльстонского особняка. Из полукруглого окна над дверью на пол веранды лился масляни-

стый свет, отчего казалось, что кто-то расстелил перед ней теплый коврик. Я даже не успела достать из сумочки ключ, когда дверь распахнулась и на пороге возникла Софи. Ее пересыпанные чешуйками высохших белил непокорные волосы, казалось, кружили вокруг ее головы, словно рой диких пчел.

– Ты дома. Как раз вовремя!

Она распахнула дверь шире, и Генерал Ли с веселым лаем устремился ко мне. Бросив портфель и сумочку, я подхватила его на руки, не желая признавать, что этот маленький меховой комок нравился мне все больше и больше – так же как и дом. Что ни говори, а приятно жить под одной крышей с мужчиной, который всегда рад тебя видеть, никогда не спорит, оставляет сиденье унитаза опущенным и может по ночам согреть тебя в постели.

В свои без малого сорок лет я уже почти смирилась с одинокой жизнью и воспринимала присутствие в ней собаки как вполне приемлемый компромисс.

Софи чихнула.

– Извини, чтобы избежать аллергической реакции, я держала его в другой комнате. Впрочем, все не так плохо.

И словно для большей убедительности чихнула еще раз.

– Давай я отнесу его на кухню к миссис Хулихан. Она всегда припасает для него суповую косточку.

Пройдя в дальнюю часть дома, я толкнула кухонную дверь, сдала на хранение Генерала Ли, поздоровалась с моей домработницей, также доставшейся мне в наследство от бывшего владельца дома, и вернулась к Софи.

Та промокала слезящиеся глаза подолом «вареной» футболки, надетой навывпуск на пеструю, длинную юбку, подол которой доходил ей до самых сандалий-«биркенстоков». Мне нравилась Софи, я многое в ней ценила, но чувство стиля совершенно не входило в список ее добродетелей. Я протянула руку и сняла с ее волос чешуйку краски.

– Что это? – спросил я, держа ее двумя пальцами.

– Советую тебе подняться в гостиную второго этажа. Ты вряд ли ее узнаешь. Я соскребла с потолочных карнизов слои краски, накопившиеся за сто лет, и как будто открыла для себя рай.

Я пару раз моргнула, безуспешно пытаюсь приравнять потолочные карнизы к раю.

– Отлично, – в конце концов сказала я. – Что у нас дальше на повестке дня?

– Полы во всем доме. Их придется ошкурить вручную, что займет некоторое время, но я не желаю видеть, как машина будет снимать с этих прекрасных полов древесную крошку.

Я отвела взгляд, притворившись, будто изучаю изящную балюстраду из красного дерева, которую я ошкурила собственноручно. Мне тотчас вспомнилась ломота в пояснице, которая потом напоминала о себе еще несколько недель. В ходе реставрационных работ я – дабы сохранить в целостности и сохранности собственное тело, руки и ноги – за спиной Софи тайком проносила в дом шлифовальные машинки, тепловые пушки и множество других современных устройств. Очень хотелось бы, чтобы к концу реставрации крепко стоял не только дом, но и я тоже осталась живой и здоровой.

– Делай, как знаешь, лишь бы все шло на пользу, – уклончиво сказала я, подавшись вперед, чтобы разглядеть воображаемое грязное пятно.

– Угу, – ответила она, высморкавшись в бумажный носовой платок, который потом сунула обратно в карман своей ужасной юбки, и прошествовала мимо меня к главной лестнице. Я поплелась за ней следом.

– Как там Чэд? – спросила я, имея в виду другого преподавателя колледжа. Первоначально Чэд был моим клиентом, пока не встретил Софи и не переехал к ней. Просто как сосед по квартире – во всяком случае, так они оба утверждали.

– Не увливай от темы, Мелани. Мы говорили о твоей матери.

Я остановилась.

– Вообще-то мы не говорили о ней. И не собираемся обсуждать это. Тебе звонил Джек?

– Нет, мне сказал твой отец. Джек звонил ему.

Я шлепнула рукой по перилам.

– Отлично, теперь вы все можете осудить меня за мое бездушие. Но вы все упускаете из виду одну вещь: вообще-то жертва здесь я.

Софи остановилась наверху лестницы, ожидая, когда я ее догоню.

– Ты жертва лишь в том случае, если тебе хочется ею быть.

– Я не просила мать бросать меня, если ты этого не заметила. И, да, отец недавно сказал мне, что она не раз пыталась поговорить со мной, когда я была подростком, но он препятствовал этому. Но это не меняет того факта, что она просто бросила меня, не попрощавшись и не объяснив причин. Я это пережила и сама построила свою жизнь. И в ней нет места для нее.

Софи пристально посмотрела на меня.

– А тебе не приходило в голову, что у нее могла иметься на то некая веская причина? Ты когда-нибудь спрашивала ее?

Я сглотнула комочек – те же самые вопросы я задавала сама себе на протяжении многих лет, пока наконец мои горе и боль не погребли под собой даже самый слабый проблеск надежды на то, что причина ухода моей матери крылась в ком угодно, но не во мне.

Вместо ответа я прошла мимо Софи к двойным дверям, что вели в гостиную на втором этаже.

– Покажи мне эти удивительные карнизы.

Я услышала, как она идет за мной следом.

– Если игнорировать проблему, от этого она не исчезнет, ты сама прекрасно это знаешь. Обычно именно те проблемы, которые мы изо всех сил пытаемся игнорировать, в конечном итоге кусают нас за задницу.

– Ну, что же, – ответила я, обернувшись к ней. – Тогда мне не нужно ни о чем беспокоиться, не так ли? У меня нет проблем, да и моему заду не угрожают никакие укусы.

Софи открыла было рот, чтобы возразить, но ее потенциальная тирада была прервана звонком в дверь.

– Или же они укусят раньше, чем мы ожидаем, – услышала я, как она сказала себе под нос, пока я спускалась по лестнице.

Обернувшись через плечо, я одарила ее колючим взглядом. Открыв дверь, я увидела перед собой отца – тот стоял на пороге с охапкой розовых роз. Он держал их бережно, словно новорожденного.

– Привет, пап, – сказала я и поцеловала его в щеку.

Его бодрый внешний вид все еще был мне непривычен, хотя отец вот уже почти шесть месяцев оставался трезвым, не употребив за это время ни капли спиртного. Я никогда не знала его таким; мы оба как будто брели по неизведанной территории, заново осваивая роли отца и дочери, которые со времен моего детства сменились на диаметрально противоположные. Теперь мы были как те новые коллеги, что никак не могут определить, кому достанется в офисе стол возле окна.

Заметив, что отец смотрит мне через плечо, я отступила назад, впуская его в дом.

– Входи. Пришел на ужин? Я могу попросить миссис Хулихан накрыть еще на одного человека.

– Здравствуйте, полковник Миддлтон. – Голос Софи прозвучал слегка неестественно. – У меня для вас стопка квитанций, так что не забудьте перед уходом забрать их у меня.

Мой отец, доверительный собственник дома и имущества моего бывшего клиента Невина Вандерхорста – я была его единственным бенефициаром, – контролировал все расходы, необходимые для реставрации этого старинного особняка. А также исполнял роль арбитра между

Софи и остальными нами, простыми смертными, принимавшими в этом участие, которые, в отличие от нее, не испытывали столь настоятельной потребности использовать для ремонта дома исключительно аутентичные материалы.

Я посмотрела на Софи, затем на отца. Между ними явно происходил некий тайный процесс общения. Их натужный разговор ясно давал понять: они не хотят, чтобы я узнала их секрет. Я посмотрела на розы.

– Это для меня?

– Нет, – ответил он.

– Да, – одновременно с ним сказала Софи.

Я закрыла дверь и встала руки в боки.

– Что тут у вас происходит?

Они снова переглянулись, чем подтвердили мои подозрения. Наконец мой отец откашлялся и произнес:

– Розовые розы – любимые цветы твоей мамы.

Я на мгновение застыла в растерянности.

– С какой стати ты принес их сюда?

Я встала между ними, чтобы эти двое не могли переглядываться, и укоризненно посмотрела на отца.

– Что такое сказал тебе Джек, отчего ты решил, что мать будет в моем доме?

Отец смущенно положил букет на столик в холле.

– Я говорил с ним сегодня утром, до того как вы с ним встретились за завтраком. Он был почти уверен, что после того, как ты выслушаешь то, что скажет тебе мать, ты пригласишь ее пожить у тебя. Предполагаю, все вышло не так, как подумал Джек, я прав?

– Похоже, что да. – Я отступила, чтобы посмотреть на Софи. – И ты тоже с ним в сговоре?

– Твоя мать убедила Джека, что тебе грозит опасность. Мы все подумали, что это заставит тебя выслушать ее.

Цокая каблуками по мраморному полу, я пересекла вестибюль и шагнула в отреставрированную гостиную с величественными напольными часами из красного дерева, которые занимали господствующее положение возле одной из стен. Здесь я плюхнулась на французский диванчик с выцветшей желтой шелковой обивкой – он вернулся в дом для повторной перетяжки, – затем снова встала, чтобы взбить подушки.

– То есть вы все решили, что после тридцати лет отсутствия я прошу ее через пятнадцать минут после нашей новой встречи и приглашу жить со мной, верно я говорю? У вас все в порядке с головой? – Я обошла комнату – поправила подушки, смахнула указательным пальцем пыль с фоторамок и даже завела часы... исключительно с той целью, чтобы чем-то занять руки и случайно не вцепиться кому-нибудь в горло.

Софи села на чиппендейловский стул. Ее «биркенстоки» выглядели крайне неуместно рядом с его изящными ножками, украшенными замысловатой резьбой. Она тихо сказала:

– Мелани, я видела в коридоре телефон, – тихо сказала она. – Что происходит?

Софи была одной из двух людей – вторым был Джек, – кому я призналась в моем особом «даре». Впрочем, моя способность общаться с мертвыми никогда не ощущалась мною как дар – это скорее привносило в мою жизнь больше травм, чем чего-то другого. Однако было приятно осознавать, что есть люди, которые верят тебе, когда ты говоришь им, что твоя мертвая бабушка любит названивать тебе по телефону, чтобы сообщить, что у тебя вот-вот возникнут серьезные неприятности. К сожалению, мой отец не входил в их число.

– Подожди минутку, – сказал он. – Никто никого не пытается обвести вокруг пальца. Твоя мать сказала мне, что ей снились тревожные сны. Вот и все, о телефонных звонках от мертвых не было сказано ни единого слова. Ты же знаешь, как я к этому отношусь, Мелани. Думать о подобных вещах – значит портить себе здоровье.

Я села на точно такой же стул, какой выбрала Софи, и подперла кулаками подбородок.

– Пап, я отказываюсь говорить с тобой на эту тему. Особенно когда я вынуждена спросить тебя об этих цветах. Мать оставила тебя, или ты забыл? Она бросила нас с тобой и ушла. Так что, если ты принес ей цветы, потому что у тебя сохранились к ней какие-то чувства, то меня от этого просто тошнит.

Отец прочистил горло, что он всегда делал, когда нервничал, и принял обиженный вид.

– Я принес их, потому что подумал, что они помогут исправить то, что случилось с могилой ее матери.

Мы с Софи как по команде повернули к нему головы.

– Ты о чем? – спросили мы в унисон.

– А вы разве не слышали? Это было в дневных новостях. Сегодня кто-то осквернил кладбище Святого Филиппа. Я уже собрался переключиться на другой канал, когда услышала имя Сары Маниго Приоло. Похоже, ее могила единственная подверглась осквернению.

Софи встала со стула:

– Это твоя бабушка, верно, Мелани?

Я кивнула, и меня вновь охватило странное ощущение: я как будто тонула. Я повернула голову и тотчас уловила резкий запах соленой воды. Впрочем, он вскоре исчез, и я усомнилась в том, был ли он вообще.

– Вы чувствуете этот запах?

Отец и Софи отрицательно покачали головами.

– Какой запах? – спросил отец.

– Не бери в голову. – Я вновь посмотрела ему в глаза. – Известно, кто это сделал?

– Нет. Надгробие было опрокинуто, но никакого другого ущерба ее или другим могилам вандалы не причинили. – Отец покачал головой. – Газетчики взяли интервью у кого-то из церковного совета, и им сказали, что без помощи строительного оборудования надгробие просто невозможно целиком вытащить из земли, но там не было никаких следов, хотя это случилось среди бела дня.

Я чувствовала на себе взгляд Софи.

– Скажи, Мелани, было в этом надгробии что-нибудь необычное?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Я никогда его не видела. Я была на похоронах, но сразу после этого уехала с отцом в Японию. Я никогда не видела надгробие, которое бабушка выбрала еще при жизни.

– Ты хочешь сказать, что ни разу не была на кладбище с тех пор, как вернулась в Чарльстон?

Не зная, что на это ответить, я встала и взбила подушку.

– Нет. Просто... – Я осеклась, но, помолчав, все же договорила: – Просто это напомнило бы мне слишком многое о тех днях моей жизни, которые я предпочла бы забыть.

Отец сделал шаг в мою сторону:

– Например, забыть о том, как твоя мать всегда говорила тебе, что дом твоей бабушки на Легар-стрит однажды станет твоим, а потом, когда та умерла, продала его?

Я удивленно посмотрела на него:

– Ты ни разу не говорил мне ничего подобного. Никогда не думала, что ты знаешь об этом. Или что тебе это безразлично.

Отец еле заметно улыбнулся:

– Конечно, знал! И мне это было безразлично. Но что я мог с этим поделать? Ты четко дала понять, что не желаешь говорить на эту тему – ни о доме, ни о матери. Даже когда я напивался, мне было невыносимо слышать твой плач. Так что я просто махнул на все рукой.

Софи подошла ближе и обняла меня за плечи:

– Думаю, тебе нужно сходить на кладбище. Я пойду с тобой, если хочешь.

– И я тоже, – предложил отец, хотя я видела, что ему немного не по себе.

Для него весь мир делился на черное и белое. Серая зона между светом и тьмой, в которой обитали мы с матерью, для него не существовала. Я давно научилась обходить в разговорах с ним эту тему. Он же – в том, что касалось моего шестого чувства, – разработал свою собственную политику типа «ничего не спрашивай и ничего не говори».

Мы не такие, какими кажемся. Я закрыла глаза, пытаюсь заблокировать и эти слова, и далекий голос в телефонной трубке. После того как мы с Джеком потратили полгода на изгнание призраков, обитавших в моем новом доме, я надеялась, что дни моей охоты на них закончились. Бесплотные голоса в телефонной трубке, похоже, свидетельствовали об обратном. И, несмотря на все мои попытки убедить себя, что не стоит поддаваться панике, по моему позвоночнику вскарабкался и вонзился в мою фальшивую браваду острый осколок страха.

Пытаясь избавиться от неприятного чувства, я расправила плечи.

– Спасибо вам обоим, но я справлюсь сама. Завтра утром я первым делом поеду на кладбище и позабочусь обо всем, что нужно сделать, чтобы привести в порядок надгробье и избавить мать от лишних забот. Но это все. Да-да. Даже на минуту не думайте, что это означает, будто я готова наладить отношения с матерью, потому что это не входит в мои намерения.

Я сделала вид, будто не замечаю, как Софи и мой отец переглянулись, и вместо ответа направилась в кухню. В воздухе внезапно вновь повис терпкий запах соленой воды.

Глава 3

С юных лет я научилась избегать больниц, полей сражений и кладбищ. Сначала я думала, что эту какофонию голосов слышат все, но, лишь поняв, что они зовут меня по имени, я осознала, насколько отличаюсь от других людей. В начальной школе я единственная постоянно пропускала экскурсии по историческим местам – у меня то внезапно схватывало живот, то болела голова, и отец был бессилен что-либо с этим поделать.

Уже тогда я понимала: признаться в моей необычности было бы сродни публичному самоубийству. Так началась моя жизнь, полная уверток и отрицания. То, что нам с матерью был дан этот странный дар – в сочетании с убежденностью моего отца в том, что все эти вещи существуют лишь в моем воображении, – лишь вынуждало меня притворяться еще сильнее.

Я припарковала свою машину на Черч-стрит, в квартале от кладбища Святого Филиппа, на котором была похоронена моя бабушка. Хотя я точно не помнила, где находится ее могила, даже несмотря на желтую полицейскую ленту, я все равно приблизительно знала, где ее найти, поскольку чести быть похороненным на той же стороне улицы, где стояла церковь, удостаивались лишь те, кто родился в Чарльстоне.

Даже знаменитый государственный деятель Джон К. Кальхаун был похоронен на другой стороне улицы, так как родился в Клемсоне, штат Южная Каролина. Я вспомнила, как моя мать не без злорадства упоминала о том, что его жена, уроженка Чарльстона, похоронена в отдельной могиле – на другой стороне улицы и ближе к церкви, – как будто даже после смерти быть чарльстонцем было важнее, нежели женой мистера Кальхауна.

Приблизившись к воротам кладбища, я услышала гомон голосов. Правда, теперь я была стреляный воробей и знала: ни в коем случае нельзя оглядываться по сторонам, чтобы увидеть, кто говорит. Глубоко вздохнув, я – дабы не слышать, как голоса беспрестанно зовут меня, – сосредоточила взгляд на тротуаре, по которому шла, и мысленно запела куплет из «Танцующей королевы» группы «АББА». Я знала: если я буду идти дальше, не обращая на них внимания, они в конце концов умолкнут. Мать однажды сказала мне, что мы с ней как маяки. Лишь после того, как она ушла от нас, я поняла, кому светили эти маяки, но к тому времени я видела себя лишь в качестве движущейся цели, жаждущей вернуться от попаданий.

Могила бабушки находилась в задней части кладбища, возле ограды. Я тотчас вспомнила, как в новом накрахмаленном платье из черного хлопка, царапавшем мне кожу, я стояла здесь с родителями, ощущая липкую влажность летнего воздуха и тяжелый запах огромного количества цветов, от которого я задыхалась, стоя на жаре. Отец взял меня на руки, и я увидела всех, что столпились вокруг пустой могилы, и то, что не все из них дышат. Больше всего смутило то, что они все смотрели на меня.

Я остановилась возле желтой полицейской ленты, которая окружала могилу. Мое дыхание вырывалось в холодный воздух густыми облачками пара. Я отметила аккуратно подстриженную траву и надгробный камень из белого мрамора. Глядя на него, можно было подумать, будто его осторожно вытащили из чавкающей грязи и положили отдыхать на прохладную траву. Соседние могилы никто не тронул. Яма, в которой раньше стояла плита, находилась примерно в футе перед ним, как будто для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что могильный камень не просто опрокинулся, а был намеренно и осторожно перемещен.

Убедившись, что на меня никто не смотрит, я перешагнула через желтую ленту и подошла к могильному камню, чтобы лучше его рассмотреть. Я прочла выгравированные на нем даты рождения и смерти моей бабушки, а также ее полное имя, Сара Маниго Приоло. Но стоило мне прочесть строчки под ними, как мои глаза полезли на лоб:

Крошится кирпич – рушится камин;

Плачет дитя – мать зовет его.
Своей ложью мы множим грехи,
И волны прячут нашу вину.

Я прочитала эти строки еще дважды, пытаюсь понять их смысл. Затем мой взгляд снова переместился на имя женщины – хотелось убедиться, что я стою перед нужной могилой. «И волны прячут нашу вину». Мне тотчас вспомнился запах соленой воды, наполнивший мой дом, и по моей спине скатились ледяные капельки страха.

– Я тоже не знаю, что это значит, если это хоть как-то тебя утешит.

Я резко обернулась. Позади меня стояла моя мать – в черной норковой шубке и шляпке в тон, руки в перчатках держат воротник, спасая шею от лютого холода. Как всегда, в перчатках.

– Не утешит, – холодно ответила я.

Она встала рядом со мной и посмотрела на могильную плиту.

– Странно, как призраки любят напоминать о себе, не так ли? Она пытается нам что-то сказать.

– Ты так думаешь? – спросила я, пуская в ход сарказм, чтобы скрыть краткий проблеск надежды, шевельнувшейся, когда она произнесла слово «мы».

Наши взгляды встретились, и она улыбнулась.

– В чем я не уверена, так это в том, что нам с этим делать.

Я сунула руки как можно глубже в карманы пальто – не столько из-за холода, сколько потому, чтобы сжать их в кулаки.

– Никаких «нам». Я сейчас пойду и узнаю, надо ли платить за то, чтобы его поставили на место, или у них есть страховка для такого рода случаев.

Я сделала шаг, чтобы пройти мимо нее, но она коснулась моей руки.

– Мелли, это очень серьезно. Думаю, это как-то связано с моим сном, и если это так, то ты даже в большей опасности, чем я думала.

– Тогда я справлюсь с этим. Одна. Как и тридцать три года назад.

Я высвободила руку и перешагнула через желтую ленту.

– Ты помнишь день, когда умерла твоя бабушка?

Я остановилась; давнее воспоминание давило на мой мозг, словно шрам, который еще не зарубцевался и о котором невозможно забыть.

– Да, – ответила я.

– Она упала с лестницы.

Я медленно повернулась. По лицу матери промелькнуло облегчение. Она явно не ожидала, что я останусь, чтобы ее выслушать.

– Твоя бабушка была еще жива, когда я нашла ее у подножия лестницы, – продолжила она.

– В отчете полиции говорилось другое. Она споткнулась на высоких каблуках и упала. Она умерла мгновенно.

Я узнала об этом лишь благодаря извращенному любопытству, которое однажды заставило меня покопаться в бумагах моего отца, когда тот был в очередном запое. Охваченная детской яростью, я надеялась отыскать причину, почему мать бросила меня. Ведь это наверняка должно быть где-то как-то задокументировано. Как будто, увидев написанные черным по белому слова, я смогла бы найти способ защитить себя. Но все, что я нашла, – это свидетельство о разводе моих родителей, в котором была указана причина – неустраимые разногласия, и копию полицейского отчета о внезапной смерти моей бабушки.

Мать недоуменно выгнула изящную бровь, но не спросила меня, откуда мне это известно. Я как будто вновь стала маленькой девочкой, а она знает обо мне все, что можно знать, что

всегда мешало мне привыкнуть к мысли, что ее рядом со мной больше нет. Как если бы всего того, что она знала обо мне, было недостаточно, чтобы ей остаться.

Она опустила голову. Было видно, что она борется с собой.

– Я до самого последнего мгновения держала ее голову на моих коленях. И слышала ее последние слова.

Мои губы онемели от холода и чего-то такого, что мне было страшно озвучить.

– Что она сказала?

Мать встретилась со мной взглядом:

– «Мы не такие, какими кажемся».

Я вздрогнула, чувствуя, как старые воспоминания вновь рвутся наружу.

– Что это значит?

Порыв ветра заглушил мой голос, но я вновь поняла: моей матери не нужно слышать меня, чтобы понять, что я говорю.

Она посмотрела мимо меня на опрокинутое надгробие.

– Я не знаю. Но в том доме что-то есть. Некое зло. Оно обитало там с тех пор, как я родилась.

Я сглотнула комочек.

– И поэтому ты продала дом?

Она кивнула, собираясь встретиться со мной взглядом.

– Тогда почему ты хочешь выкупить его обратно? Если в нем все еще обитает зло, почему?

Она ответила не сразу, правда, на этот раз глядя мне прямо в лицо.

– Потому что это наш дом, Мелли. Потому что он принадлежал нашей семье более двухсот лет. – Она помолчала, а затем заговорила снова: – И теперь я сильнее. Теперь я могу с этим справиться.

Сказав это, она крепко сжала губы, словно боялась, что с них слетят неосторожные слова, и я сразу поняла, что она что-то скрывает. Дети всегда замечают мельчайшие нюансы в выражении лица матери, даже спустя годы после того, как они, возможно, захотели ее забыть.

Мои пальцы вновь сжались в кулаки.

– Не переживай из-за меня, мама. Теперь у меня есть собственный дом, так что для меня не важно, как ты поступишь с домом на Легар-стрит. Только не делай вид, будто ты заботишься о моем наследстве, потому что мы обе знаем, что это неправда.

Она шагнула ко мне, и ее дыхание легкой паутинкой разлетелось во все стороны.

– Ты многого не понимаешь, Мелли, но я и не жду, что ты сядешь рядом со мной и выслушаешь то, что я попытаюсь объяснить тебе. Просто знай: мои сны и то, что здесь произошло, и надпись на могильном камне – все это связано между собой. Твоя бабушка ждет, что мы с тобой встанем бок о бок и смело посмотрим в лицо тому, с чем нам предстоит столкнуться.

Я внимательно посмотрела на нее, видя перед собой лишь чужого мне человека. Я видела, как ветер колышет мех ее шубки, как клонит к земле зимнюю траву, как будто по ней шагает невидимый гигант, и понимала: наверняка есть некая иная причина, почему она сейчас здесь. Но, как и причины ее ухода, причины ее возвращения были мне безразличны.

– Я отлично умею справляться со всем одна, мама. В конце концов, ты сама научила меня этому. И чтобы мне захотелось провести время вместе с тобой, нужно нечто большее, нежели загадочная надпись на надгробии и глупый сон. – Я вытащила руку из кармана, чтобы посмотреть на часы. Увы, я так и не смогла рассмотреть, который час, – так сильно дрожала моя рука.

– Я сейчас поговорю со служащими кладбища, – произнесла я как можно спокойнее, – а затем вернусь к себе в офис. Если я не увижу тебя до твоего отъезда домой – где бы это ни было, – заранее желаю тебе хорошего полета.

С этими словами я повернулась на каблуках и направилась к церкви. На этот раз она не пыталась остановить меня. Я почти дошла до входных дверей, когда она заговорила снова:

– Прости, Мелли. Прости, что мне пришлось оставить тебя. Знаю, ты не веришь мне, но тогда я была вынуждена это сделать.

Чувствуя, как слезы замерзают в моих глазах, я не оборачиваясь зашагала вперед.

– Я чувствую запах океана, Мелли. И я знаю, что и ты тоже его чувствуешь.

Я открыла дверь и вошла внутрь; гул голосов за моей спиной напоминал рокот прибоя. Я не стала придерживать дверь; та с громким стуком захлопнулась за мной – но не раньше, чем резкий порыв ветра принес с собой густой запах моря.

* * *

Остальная часть дня прошла не лучше. Два моих предложения были отклонены – одно даже без встречного, а другой дом, в Ансонборо, не устроил покупателей. Смета ремонта составляла около десяти тысяч, и мои клиенты колебались.

В дурном расположении духа я вернулась в свой пустой дом, к остывшей индейке, которую миссис Хулихан оставила для меня в духовке. В итоге я скормила половину Генералу Ли, а затем в момент отчаяния решила вывести его на прогулку.

Днем заметно потеплело, и даже сейчас, когда, низко повиснув над горизонтом, солнечный диск окрасил зимнее небо в розовые и оранжевые тона, было относительно тепло. Надев пальто и перчатки и нарядив Генерала Ли в новый свитерок, который связала для него Нэнси Флаэрти, я направилась к двери. Меня смущало, что меня видели с ним в таком виде – раньше обнаженное собачье тело никогда меня не оскорбляло, – но стоило термостату опуститься ниже шестидесяти градусов по Фаренгейту, как его начинала бить дрожь. Нэнси сказала мне, что либо я куплю ему квартиру во Флориде, либо приму в подарок ее свитер.

Как обычно, я позволила Генералу Ли выбрать для нас маршрут, и мы быстрой трусцой зашагали вперед. Вытянув шею, пес трусил в паре футов впереди меня, время от времени останавливаясь, чтобы обнюхать воздух или грозно поворчать на прохожего. Генерал Ли считал своим долгом стать моим сторожевым псом и теперь старался наводить на незнакомцев страх, прежде чем основательно их обнюхать. Но даже тогда он придирчиво выбирал тех, кого был готов записать в друзья, и продолжал рычать, если кто-то не проходил проверку. К несчастью для него, хотя он и обладал сердцем и душой полицейской собаки, в глазах окружающих он был таким же грозным, как диванная подушка с рюшками.

Я так глубоко погрузилась в мысли о встречных предложениях и инспекционных отчетах, что не заметила, куда меня ведет Генерал Ли, а когда заметила, было уже слишком поздно. Он остановился перед коваными воротами дома на Легар-стрит. Я даже дважды моргнула, прежде чем поняла, где мы. Мой взгляд переместился на номер дома, нанесенный при помощи трафарета золотой краской на почтовый ящик на воротах, и я снова моргнула: Легар-стрит, дом тридцать три.

Квадратный кирпичный дом в георгианском стиле с двухъярусным портиком доминировал над окружающим его садом – ярко окрашенный, с замысловатой лепниной, которая смотрелась как грошовой бижутерия на красивой женщине. Я вспомнила, как вместе с бабушкой пила в этом саду чай, и ко мне тотчас вернулась былая грусть.

Желая поскорее уйти, я потянула за поводок, но Генерал Ли, похоже, был непреклонен в своем желании остаться. Я уже собралась взять его на руки и отнести домой, когда поняла, что мы не одни. Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и увидела в десяти футах от меня одинокую фигуру, стоящую возле забора. Похоже, процесс изучения дома был прерван нашим прибытием. Как обычно, я была без очков – реверанс личному тщеславию, – однако женщина показала мне на удивление знакомой.

Незнакомка направилась ко мне, и я смогла лучше рассмотреть ее в тусклом свете. Она была ниже меня и очень стройная – то, что большинство людей назвали бы словом «миниатюрная». Ее волнистые светлые волосы свободно падали ей на плечи. На ней было пальто от «Берберри», а когда она подошла ближе, я увидела, что в руках у нее блокнот и карандаш.

– Я вас знаю? – спросила я, все так же разглядывая ее, правда, уже с близкого расстояния, и пытаюсь вспомнить, где же я видела ее раньше.

– Лично – нет, – ответила она, подойдя ближе, так, что я смогла увидеть голубые глаза, опущенные длинными ресницами.

Я застыла на месте, наконец поняв, почему она показалась мне такой знакомой.

– Эмили? – прошептала я, чувствуя, как у меня сжалось горло.

Незнакомка странно посмотрела на меня:

– Раньше я часто слышала такое.

Она наклонилась и почесала Генерала Ли за ухом. Я же запоздало заметила, что он не только не стал недовольно скулить, но даже попытался перевернуться на спину, чтобы незнакомка почесала ему живот.

Я дернула поводок, чтобы подтянуть пса к себе.

– Кто вы?

Она повернулась ко мне лицом, и меня в очередной раз как будто ударило током.

– Я – Ребекка Эджертон, – сказала она, протягивая мне руку. – Мы с вами говорили по телефону. О вашей матери.

Я рассеянно пожала ей руку, не в силах отвести взгляд от ее лица. Внезапно слово «мать» вновь вернуло меня в реальность. Я поспешно выдернула руку.

– О, репортер из газеты! Помню.

– Я подумала, что мне стоит посмотреть дом, в котором выросла ваша мать. Начать с самого начала ее истории.

Я продолжала в упор смотреть на нее, не в силах стряхнуть с себя первоначальное впечатление.

– Вы так похожи на... – Я не смогла произнести имя.

– Эмили. Я знаю. Я отрастила волосы, отчего, наверно, сходство стало еще сильнее, но, даже когда мы с Эмили работали вместе в газете, нас все время путали. Народ шутил, что когда Джек перестал встречаться со мной и начал встречаться с Эмили, он даже не заметил, что поменял подругу.

Она рассмеялась сухим, чуть дребезжащим смешком. Я глубоко вздохнула, испытав странное облегчение, объяснить которое себе самой я не могла.

Ребекка нахмурила брови.

– Я не знала, что вы были с ней знакомы.

Вообще-то, я не знакома с ней, подумала я, не зная, как мне лучше объяснить ей, что я знаю, как выглядела мертвая женщина, поскольку видела ее призрак.

– Джек показывал мне ее фото.

Она кивнула:

– Ну что ж. Тогда это все объясняет.

В ее лице было нечто, чего я никак не могла понять, нечто такое, что вынудило меня сделать шаг назад.

– Что ж, было приятно познакомиться с вами.

Я раздраженно потянула поводок, заметив, что мой пес улегся, свернувшись в клубок у ее ног.

– Вставай, Генерал Ли. Пойдем домой. Нас ждет ужин.

Песик тупо уставился на меня, но не двинулся с места.

Ребекка воспользовалась этим, чтобы сократить расстояние между нами.

– Поскольку вы здесь, думаю, вы могли бы ответить на несколько вопросов. Ничего чересчур личного, обещаю вам. Главное, чтобы сдвинуться с мертвой точки. Если я скажу что-то не то, просто остановите меня, и я замолчу.

Генерал Ли смотрел на Ребекку полными обожания глазами. Наверно, это потому, что она блондинка, решила я. В конце концов, он ведь мужчина.

– Вряд ли у нас что-то получится. Мы с матерью отделились друг от друга, и я боюсь, что если вы начнете с меня, то ваша история приобретет негативный оттенок. Вряд ли это входит в ваши планы.

– Я хочу услышать правду; только и всего. Надеюсь, что интервью получится достаточно интересным, чтобы сделать из него полноценную статью, но мне кажется, что без участия ее единственного ребенка я просто не смогу ее написать.

– К сожалению, вам придется обойтись без меня. Я очень мало знаю о моей матери. Будь то правда или что-то еще. Она оставила нас с отцом, когда мне было всего семь лет.

Ребекка посмотрела на свой блокнот и перевернула страницу:

– Да. Я в курсе. Это было сразу после того, как вашу мать отвезли в отделение неотложной медицинской помощи. Похоже, у нее был выкидыш.

– Что-что? – Я вопросительно уставилась на нее, неуверенная, что правильно ее расслышала.

Она посмотрела на меня:

– Выкидыш. Серьезный случай. Согласно больничным записям, она едва не умерла. Думаю, вам тогда было лет шесть или семь, потому что это произошло после того, как ваши родители расстались. Вы и ваша мать жили здесь с вашей бабушкой, когда это случилось. Я предположила... – Ребекка пожала плечами. – Извините. Я думала, что вы знаете.

Я ощутила во рту привкус ржавчины. Я помнила, как отец появился в доме моей бабушки, и мое волнение, когда я подумала, что он приехал забрать нас обеих домой. Но он оставил меня там и на руках, как ребенка, отнес маму к машине. Позже бабушка сказала мне, что у нее аппендицит и ей нужно провести в больнице пару дней, но все будет в порядке. И я поверила ей, хотя мать вернулась из больницы похудевшей, а к хору звуков, источник которых я искала, но никогда не находила в доме моей бабушки, добавился детский плач.

Я покачала головой.

– Нет. Я не знала. – Я попыталась улыбнуться. – Они, вероятно, думали, что я была слишком мала, чтобы понять, откуда берутся дети... – Моя улыбка погасла. – ...или как их теряют. Откуда вы узнали?

Продолжая сверлить меня взглядом, она пожала плечами:

– Это часть моей работы. Я просто знаю, где искать и кого спрашивать. Я отыскала в архивах старую газетную статью о смерти вашей бабушки, и там было краткое упоминание о том, что это случилось сразу за пребыванием вашей матери в больнице. Разумеется, в статье ни слова не было сказано о том, почему она там оказалась, но у меня есть в больнице анонимный источник. Он просмотрел записи и узнал о выкидыше. Конфиденциально, конечно. – Ребекка пару секунд помолчала, затем добавила: – Необходимая информация всегда доступна, главное – проявлять настойчивость и знать, где искать.

Мне почему-то показалось, что разговор идет уже не о болезни моей матери. Мне тотчас стало слегка не по себе, и я сделала шаг назад.

– Мне действительно пора домой...

По лицу Ребекки промелькнуло разочарование:

– Я понимаю. Но всего одна вещь... пожалуйста. Я хочу показать вам один снимок. Обещаю, что отниму лишь минуту вашего времени. – Ребекка улыбнулась, став так сильно похожа на покойную Эмили, что я остановилась. Она тем временем достала из вместительной сумки увеличенное фото моей матери на благотворительном оперном концерте в Нью-Йорке.

– Вы очень похожи на нее.

Я промолчала. Терпеть не могу, когда мне говорят об этом, – в основном потому, что это неправда, но еще и потому, что мне нравилось притворяться, будто мы даже не родственницы.

Ребекка поднесла фотографию к моим глазам.

– На этом снимке на ней удивительной красоты колье и серьги. Вам что-нибудь известно о них?

Я посмотрела на фотографию, на колье с бриллиантом и сапфиром и серьги с подвесками. Я помнила, как бабушка разрешала мне играть с ними. Надев вместо вечернего платья ее шелковый халат, я расхаживала в них по коридорам.

– Да, – сказала я. – Они принадлежали моей бабушке. А когда бабушка умерла, они перешли к моей матери.

– Стало быть, это ваши семейные реликвии? – Ребекка слегка прищурилась.

– Думаю, можно сказать и так. Я точно знаю, что моя бабушка говорила, что когда-то они принадлежали ее матери. Но откуда они взялись у моей прабабушки, я понятия не имею. Если честно, на мой взгляд, они слегка безвкусные, так что, будь они моими, я бы, скорее всего, их продала.

– Как ваша мать продала этот дом.

Я вскинула голову. Наши взгляды встретились.

– Думаю, я ответила на достаточное количество вопросов. – На этот раз я как можно сильнее дернула поводок, вынуждая лежащего у ног Ребекки Генерала Ли подняться, и, увлекая за собой капризного пса, зашагала прочь. – Спокойной ночи, мисс Эджертон. Было приятно с вами познакомиться.

– Можете называть меня Ребеккой.

– Хорошо, но я не думаю, что мы увидимся снова, – ответила я, даже не замедлив шага. – Доброй ночи.

Я уже собралась свернуть за угол, когда услышала, как она сказала:

– Не будем загадывать.

Сделав вид, будто не слышу ее, я потянула поводок, а вместе с ним и Генерала Ли, пытаюсь понять, что есть в этой Ребекке Эджертон, кроме ее сходства с мертвой невестой Джека, отчего я чувствую себя не в своей тарелке.

Глава 4

Остаток моей рабочей недели тянулся, словно в замедленной съемке. Если учесть высокую драму в начале недели, отмеченную внезапным появлением моей матери и попытками бабушки из могилы обратить на себя внимание, думаю, это было неизбежно. Но даже на работе время ползло с черепашьей скоростью, а мой обычный трудовой энтузиазм несколько иссяк, как будто меня внезапно заставили смотреть на мою жизнь полузакрытыми глазами.

В пятницу утром, когда я притащилась в офис, у двери меня встретила Нэнси Флаэрти. Ее сережки в виде мячиков для гольфа покачивались в такт ее движениям.

– Ну и вид у тебя, – сказала она, забирая у меня пальто и портфель.

– Спасибо, Нэнси. А как у тебя дела?

Перекинув мое пальто через согнутую в локте руку, она потянулась к своей стойке, взяла чашку дымящегося кофе и сунула ее мне в протянутые ладони.

– По-моему, твое дурное настроение в последнее время связано с тем, что ты скучаешь по Джеку.

– Потому что я что?.. – Мое возмущение прозвучало неубедительно, не в последнюю очередь потому, что у меня было смутное подозрение, что она отчасти права.

– Не смей меня. Все было бы вполне спокойно и безмятежно, не врываись он ко мне в дом в любое время дня и ночи проводить свои исследования, – сказала я, имея в виду книгу о бывших обитателях доставшегося мне в наследство дома, над которой Джек в настоящее время работал. – И мне не нужно терпеть его нелепые замечания или глупые комментарии. – Я сделала глоток кофе, упрямо глядя в чашку, лишь бы не встречаться взглядом с Нэнси. Я бы никогда не призналась ни ей, ни кому-либо еще, что, несмотря на присутствие миссис Хулихан, моего отца, Софи и Чэда, без шумного Джека дом казался чуточку пустым. Даже Генерал Ли не смог заполнить эту пустоту.

Я подняла голову и прищурилась.

– Кстати, а почему ты такая услужливая сегодня утром? – спросила я, указывая на кофе и пальто, которое все еще было переброшено через ее руку. – В чем дело?

Нэнси поджала губы, как будто не могла решить, солгать мне или сказать правду. Видимо, остановив выбор на последнем, она ответила:

– Гендерсон ждет тебя в твоём кабинете. Он хочет поговорить с тобой.

Хотя Дейв Гендерсон официально считался моим начальником и владельцем фирмы, бо́льшую часть времени он проводил, играя в гольф, чем и объяснялась столь продолжительная работа Нэнси в его конторе. Сомневаюсь, что другой работодатель был бы готов мириться с такой яркой преданностью гольфу в ущерб всему остальному, включая служебные обязанности. Жена Дэйва, врач-кардиолог, уговорила его досрочно выйти на пенсию. Реакцией всех сотрудников «Бюро недвижимости Гендерсона» стал коллективный вздох облегчения.

Увы, облегчение было в лучшем случае временным. У Дэйва вошло в привычку в самый неожиданный момент прийти в контору, дабы напомнить всем нам, что он по-прежнему босс и следит за работой своих подчиненных. Обычно я видела Дэйва на торжественных обедах, посвященных наградам за успехи в сфере продаж, а также на еженедельных совещаниях, на которых он был главным заводилой и главным погонялой.

Но он редко бывал в офисе в ясный, солнечный день – даже в мороз. Если светило солнце, Дэйва можно было застать лишь на зеленом поле для гольфа.

Я поставила кофейную чашку. Пончики и латте из пекарни Рут, которые я жадно проглотила незадолго до прихода на работу, внезапно выразили настоящее желание выскочить наружу.

– Не знаешь, зачем я ему понадобилась?

Нэнси нервно улыбнулась:

– Не знаю. Но, похоже, это как-то связано с Джимми. Вчера они были в его кабинете, и там стоял жуткий ор.

– Вот, черт! Не было печали... – сказала я, поднимая портфель и на всякий случай безопасности ради мысленно опоясывая чресла. Если Дэйв Гендерсон ждет меня в моем кабинете, а не где-нибудь на лужайке для гольфа, то ничего хорошего в этом нет.

Я с минуту постояла перед закрытой дверью моего кабинета, собираясь с духом, прежде чем повернуть ручку и встать на пороге с широкой улыбкой. Дэйв сидел за моим столом и читал последний выпуск «Пост энд курир». Мой ежедневник, который я держу закрытым на углу стола, был открыт, как будто он только что просматривал его. Под теплой ветровкой на Дэйве была рубашка для гольфа и брюки цвета хаки, как будто его только что оторвали от шестнадцатой лунки. Моя настороженность моментально сменилась леденящим ужасом.

– Доброе утро, Дэйв. Я так рада вас видеть, – сказала и поспешила изобразить улыбку, чтобы он не догадался, что я лгу.

Дэйв продолжил читать газету и даже не поднял глаз.

– Любопытная история в сегодняшней газете. Тут написано, что они собираются поднять с морского дна корабль, который несколько недель назад нашли у острова Салливан. Водолазы, которых отправили туда, выяснили название судна, которое, по-видимому, пропало без вести после землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. Оно лежит на относительно мелководье, и его надеются поднять в целости и сохранности. Если же не удастся, то водолазы просто спасут то, что можно спасти. – Дэйв, шелестя газетой, перевернул очередную страницу. – Народ взбудоражен не меньше, чем в тот раз, когда нашли «Ханли».

– Интересно, – сказала я, медленно входя в собственный кабинет. Поставив сумочку и портфель на стул, я села напротив Дэйва. Я понятия не имела, о чем он говорит, так как лично я открывала газету лишь затем, чтобы изучить объявления о продаже недвижимости.

– Ты же слышала про «Ханли», верно?

Я заставила себя сдержаться и не закатыть возмущенно глаза. Как можно быть чарльстонцем и не знать про подводную лодку флота Конфедерации, которая затонула в ближних водах почти полтора столетия назад и недавно была торжественно поднята с морского дна. Пусть я не знаю, на сколько пунктов упал средний индекс Доу-Джонса за последние недели, но уж о «Ханли» я имею представление.

Бросив взгляд на свой открытый ежедневник, я ощутила легкое раздражение. Но, почувствовав, что Дэйв смотрит на меня, подняла глаза.

– У тебя довольно напряженный рабочий график на этой неделе, Мелани.

Черт, может, все не так уж и плохо? Я улыбнулась – лишь бы он не заметил, как дрожат мои губы.

– Да. Верно. Дела идут неплохо, несмотря на то, что состояние рынка недвижимости сейчас не такое, какое нам хотелось бы. Я уже выполнила свою квоту продаж за месяц, а мы пока только на полпути.

Дэйв принялся складывать газету. Сложив ее в очередной раз, он аккуратно ее разгладил. Он повторил это несколько раз. Я снова начала нервничать. Дэйв бросил газету на мой стол и встал. Я последовала его примеру, чтобы не смотреть на него снизу вверх. С моими каблуками я была одного с ним роста.

– Но, думаю, ты все равно могла бы втиснуть в свой график пару новых клиентов, – сказал он, не сводя с меня темных глаз, взгляд которых, по слухам, заставлял рыдать взрослых мужчин.

Я глотнула застрявший в горле комок.

– Безусловно. Я горжусь тем, что организована и старательна, и я более чем способна справиться с довольно большой рабочей нагрузкой. Вы это знаете, мистер Гендерсон.

Опершись кулаками о мой стол, он наклонился ко мне. Его лицо слегка покраснелось.

– Тогда зачем было отправлять некую знаменитую клиентку Джимми Торнхиллу, вместо того чтобы взять ее себе? Тем более если это твоя родная мать?

Чувствуя, что злость неумолимо берет верх над моими опасениями, я выпрямилась в полный рост.

– Потому что Джимми нужна уверенность в своих силах, чему может способствовать увеличение числа продаж. Моя мать хорошо знает дом, который хочет приобрести, так что для него это не будет слишком сложно. Ей просто нужен кто-то, кто подготовит пакет документов на покупку дома. И почему это должно иметь для вас значение? – спросила я, не без вызова посмотрев на начальника. – «Бюро недвижимости Гендерсона» запишет себе в актив эту сделку, независимо от того, кто из нас ее осуществит.

Гендерсон обошел стол и остановился передо мной.

– Потому, что мне не нравится, когда потенциальный клиент вынужден лично звонить мне, чтобы попросить другого риелтора.

Я снова слотнула. Не хотелось бы, чтобы он заметил мое волнение.

– Моя мать звонила вам?

– Да. Мы знакомы с ней много лет. Она едва не плакала, когда позвонила мне, не понимая, почему ты отказываешься ей помочь.

– И что вы ей сказали? – Мои два пончика и латте ухнули вниз, в бездну желудка.

Он улыбнулся своей коронной улыбкой... насколько мне было известно, она означала, что разговор окончен и победа на его стороне.

– Я сказал, что ты позвонишь ей сегодня утром, чтобы договориться о дне показа дома на Легар-стрит. – Сказав это, мой собеседник выпрямился. – Если, конечно, тебе хватит мужества оставить в прошлом все свои разногласия с матерью и заключить эту сделку. В случае чего тебя ждет премия за лучшие продажи месяца. – Дейв протянул руку к серванту и взял с него перчатку для гольфа. – В принципе, я мог бы поручить это дело Венди Вокс. Ее показатели очень близки к твоим.

– А как же Джимми? Ему эта сделка явно не помешала бы.

Дэйв пожал плечами:

– Он слишком мягкотелый. Техасец, которому сейчас принадлежит дом на Легар-стрит, тот еще скупердяй. Я встречался с ним несколько раз в клубе. Никогда не угостит вас напитком в ответ на ваше угощение... ну, ты понимаешь, о чем я. Для этой сделки нам нужен кто-то по-настоящему жесткий и смекалистый. Думаю, Венди прекрасно справится, раз уж ты слишком занята.

Я поморщилась, представив себе самодовольство моей коллеги, если Дейв поручит ей эту сделку вместо меня. Я знала, что меня берут на слабо, но остановить себя не смогла.

– Нет. Все в порядке. Я справлюсь.

Дейв одобрительно помахал перчаткой для гольфа.

– Вот это та Мелани, которую я знаю. Что ж, я рад, что у нас состоялся этот разговор и мы пришли к согласию. Жду твоего звонка и надеюсь в ближайшее время услышать о том, что вопрос решен положительно.

Не попрощавшись, он вышел из моего кабинета и даже не закрыл за собой дверь. Я опустила на стул; мои каблук отбивали по полу нервную чечетку. Но я не была уверена, что было тому причиной: то ли то, как ловко поймал меня в свои сети мой начальник, то ли мысль о том, что мне вновь предстоит остаться наедине с матерью в доме на Легар-стрит.

* * *

Когда я после работы вернулась домой, в доме было темно, за исключением единственной включенной лампы в гостиной на первом этаже. Я задержалась в офисе дольше, чем собиралась, изучая недавние продажи недвижимости на Легар-стрит, а также информацию о нынешних владельцах дома – хотелось получить более четкое представление о том, насколько срочной была необходимость их переезда. Я гордилась своим умением выяснить о клиенте по возможности все, и поэтому, делая от его имени предложение, я знала, каковы масштабы нашей свободы действий и в какой момент мы сможем выйти из переговоров. Я отчасти надеялась на то, что мать возмутится запрашиваемой ценой, поскольку та была в три раза выше той, по которой она продала дом более тридцати лет назад.

Единственным светлым моментом за весь мой рабочий день была игра, в которую я играла по телефону с матерью, когда мы по очереди оставляли друг другу сообщения. В результате мы договорились встретиться следующим утром, ни разу вживую не обменявшись ни единым словом.

Толкнув дверь, я услышала собачий лай – он доносился из кухни, где миссис Хулихан, перед тем как уйти домой, обычно оставляла Генералу Ли суповую косточку. Я шагнула в дом и включила свет. Мое внимание тотчас привлек новый ярус строительных лесов – теперь те доходили до карнизов, поскольку Софи взбрело в голову восстановить их покрытие из сусального золота.

Одна из металлических стяжек перегораживала лестницу. Будь у меня желание использовать верхний этаж дома, чтобы, например, спать в моей комнате, я была бы вынуждена проползать под ними, чтобы подняться наверх. Интересно, Софи подумала об этом? Если да, то явно отклонила эту мысль?

Я на миг замерла на месте. Мои ключи зависли в моей руке над стоявшим в холле столиком. Впрочем, я тотчас, словно оружие, крепко сжала их между двух пальцев, услышав мягкий звук шагов, направлявшихся ко мне из гостиной. Увы, в этом доме не было никаких гарантий, что нежелательные посетители окажутся живыми, из плоти и крови. Хотя три призрака недавно были изгнаны из дома, мы с Генералом Ли все еще ощущали присутствие нескольких других.

Впрочем, мы старались держаться как можно дальше друг от друга и терпимо относились к такому соседству, ибо все были довольны тем, где жили, и не стремились покинуть это место.

Лампочка замигала. Я резко повернулась к выключателю, но увидела перед собой лишь пустое пространство. Температура в доме внезапно упала, и когда я втянула в себя холодный воздух, мои легкие как будто превратились в лед. Одновременно мне в ноздри ударил мерзкий запах протухшей рыбы, такой сильный, что меня чуть не вырвало. Я уронила ключи на стол – все равно от них никакой пользы. Дыхание замедлилось, сделавшись прерывистым, в такт холодным волнам страха, пробежавшим по моему позвоночнику. *Я сильнее тебя. Я сильнее тебя.* Старая мантра моей матери вернулась, неотвязно преследуя меня, и я почти улыбнулась иронии происходящего.

Я сделала было шаг в сторону гостиной, как вдруг тишину пустого дома нарушил пронзительный звонок телефона, стоявшего на столе в коридоре. Застыв как вкопанная, я впиалась в него взглядом. Дыхание вырывалось из моего рта легкими облачками пара. Дав телефону прозвонить шесть раз – еще трижды после того, как должен был сработать автоответчик, – я подняла трубку. Раскаленный пластик мгновенно обжег мои замерзшие пальцы. Я как ошпаренная выронила трубку, и та с неестественно громким стуком ударилась о стол. Дрожащими пальцами я осторожно подняла ее, чтобы убедиться, что раскаленное прикосновение было лишь плодом моего воображения, и лишь затем поднесла телефон к уху.

– Бабушка? – Линия была мертва, как будто человек на другом ее конце взял трубку в соседней комнате. Я сжала трубку двумя руками, чтобы та не дрожала. Я не слышала на другом конце линии никаких звуков: ни дыхания, ни чего-то еще, – лишь молчание. Я как будто погрузилась в бездонную черную дыру, которая, словно этакая гигантская космическая губка полностью впитывала весь свет и все звуки.

Мелани.

Я напрягла слух, неуверенная, действительно ли я услышала свое имя или мне это просто померещилось. Я точно знала одно: кто бы ни произнес мое имя, это была не моя бабушка.

Мелани, услышала я снова. Борясь с желанием положить трубку, я прижала ее ближе к уху. Голос был мягок и невесом, скорее всего, женский и, по всей видимости, человеческий.

– Алло! Кто это?

Черная дыра пошла трещинами и пузырями, и в телефонную линию прорвалось нечто мерзкое и темное. Я убрала телефонную трубку подальше от уха, а затем и вообще бросила. Но не раньше, чем я вновь услышала голос. *Я приду за тобой, Мелани. Я приду забрать то, что принадлежит мне.*

Генерал Ли твякнул в кухне и принялся царапать когтями дверь, скулить и лаять.

Входная дверь открылась. Я вздрогнула, опрокинув при этом столик. Телефон с грохотом полетел на пол, следом за ним – мои ключи. Я резко обернулась: в дверях стояли моя мать и Джек. Последний держал в руке ключ от моего дома, который я дала ему, когда он жил тут вместе со мной, помогая мне отбиваться от призраков. Его взгляд упал на опрокинутый столик в холле и разбитый телефон.

– С тобой все в порядке? – Он шагнул вперед и, положив руки мне на плечи, пристально посмотрел мне в глаза: – Извини, что мы не постучали, но твоя мама сказала, что мы должны срочно попасть в дом.

– Да, со мной все в порядке, – ответила я. Интересно, был ли им слышен стук моего сердца? Лично мне он казался таким громким, что от него как будто зазвенели подвески люстры над моей головой.

– Неправда, – возразила мать; ее лицо было бледным и осунувшимся...

Можно подумать, ей это было действительно важно. Она вздрогнула и потеряла руки.

– Здесь у тебя настоящий ледник, – сказала она, не сводя с меня пристального взгляда.

– Это старый дом. По старым домам гуляют сквозняки. – Я поежилась, хотя температура стремительно приходила в норму. Я оттолкнула Джека и протянула руку: – А ты можешь вернуть мне этот ключ сейчас, так как он больше тебе не понадобится. – Все трое посмотрели на мою руку. Та дрожала так сильно, что между пальцами можно было бы просеивать муку.

– Тебе лучше сесть, Мелли. – Обеспокоенное лицо моей матери едва не ввело меня в заблуждение.

– Я не... – Прежде чем я успела закончить, мои колени подкосились. Если бы не Джек, который подхватил меня как раз вовремя, я бы упала.

Поддерживая меня одной рукой, он отвел меня в гостиную и усадил на стул, а моей матери указал, где находится кухня, чтобы она могла принести мне стакан воды.

– Что случилось? – спросил Джек, когда до нас донеслось цоканье каблучков моей матери, проследовавшей через холл на кухню. Он присел на корточки перед моим стулом и заглянул мне в лицо. – Он вернулся?

Я покачала головой, понимая, о чем он спрашивает. В свое время Джек помог мне изгнать из дома гадкого призрака по имени Джозеф Лонго, которого ни он, ни я больше не желали видеть.

– Нет. Это была женщина. Я не уверена, как я это поняла; это было скорее ощущение. И запах был тоже другой. Похожий... на запах рыбы. Гниющей, протухшей рыбы.

Он покачался на пятках:

– Что ж, тогда все понятно.

– Ты о чем? – спросила я, вновь ощутив приступ головокружения. Я медленно наклонилась вперед и опустила голову на колени.

Мне на затылок легла рука Джека, удивительно нежная, и он легонько помассировал мне шею.

– Корабль, который нашли у острова Салливан... сегодня стало известно его название.

– И? – На меня навалилась сонливость.

– Он назывался «Роза».

Джек выжидающе посмотрел на меня, как будто имя должно было мне что-то напомнить. Я покачала головой – у меня просто не было сил ответить ему полным предложением.

– Для истинной уроженки Чарльстона ты чересчур мало знаешь о своих предках. Розой звали твою прабабку по материнской линии. Судно принадлежало твоему прапрадеду, и он назвал его в ее честь.

Услышав приближающиеся шаги матери, я выпрямилась и мгновенно насторожилась.

– Ты хочешь сказать, что судно, которое собираются поднять на поверхность, когда-то принадлежало семье Приоло? – Я вздрогнула, вновь вспомнив запах тухлой рыбы.

Мать встала передо мной и сунула мне в руки стакан с водой. Я залпом осушила его, пытаюсь отсрочить неизбежное. Рано или поздно, но нам с ней придется поговорить. Просто пока я к этому не готова.

– Как и в моем сне, – тихо сказала она. – И если корабль поднимут, зло вырвется на волю.

Я вспомнила голос в телефонной трубке. Моя рука вновь задрожала и выплеснула воду из стакана.

– Это уже произошло.

– Я так и думала, – сказала мать, забирая у меня стакан. Она на миг задумалась, затем заговорила снова: – Некоторые призраки не привязаны к конкретному месту, зато некоторые неким образом привязаны к конкретному человеку... – Она выгнула черную бровь: — ...или к семье.

– Замечательно, – сказала я. – Не успела я отправить всех своих призраков на покой, как ты заставляешь меня вновь впустить их в мою жизнь.

– Милая, они нашли тебя сами, без моей помощи.

Не знаю, что явилось для меня большей неожиданностью: признание ее правоты или нежданное проявление нежности с ее стороны. Так или иначе, я разозлилась.

– Я отлично справлялась с этим сама, без твоей помощи.

– Простите, дамы. – Джек поспешил встать между нами. – Но у нас здесь проблема. И если мы не сумеем заключить перемирие и не станем просто придерживаться фактов, ничем хорошим это не кончится. – Он повернулся ко мне: – Мелани, что случилось здесь до того, как мы пришли? Ты была явно чем-то напугана.

Я глубоко вздохнула. С трудом верилось, что еще полгода назад я всячески скрывала от людей свой дар медиума, а теперь могла открыто говорить на эту тему, пусть и не со всеми, как обычные люди рассказывают о том, что они ели на завтрак. Безусловно, в этом была заслуга Джека. Хотя, если честно, я еще не решила для себя, благодарить мне его за это или ругать.

– Я почувствовала некое присутствие. Нечто ужасное и злонамеренное, в отличие от других призраков в этом доме.

– А раньше ты его не чувствовала? – уточнил Джек.

Я покачала головой.

– Это была *она*, – поправила я. – И нет, она была определенно новой.

– Она что-нибудь тебе сказала? – осторожно осведомилась моя мать, и мне вновь показалось, что она явно что-то знает... нечто такое, чем она не спешила поделиться со мной.

Я кивнула, вновь почувствовав себя нехорошо.

– Телефон зазвонил прямо перед вашим приходом. Это был... голос на другом конце линии. И он сказал... – Я закрыла глаза, вновь ощутив гнилостный запах протухшей рыбы. Мне не хватало воздуха, как будто мою голову удерживали под водой. – Он сказал: «Я приду за тобой, Мелани». – Я умолкла, не зная, стоит ли мне продолжать. Но затем медленно добавила: – «Я приду забрать то, что принадлежит мне».

Мать машинально схватилась за горло, и я заметила, что она все еще в перчатках. Они были своего рода ее визитной карточкой, но только я знала истинную причину, почему она крайне редко их снимала. Джек подвинул ей стул, и она села.

– И голос в телефоне определенно не принадлежал твоей бабушке? – спросил он.

Я покачала головой:

– Точно нет.

Мы оба посмотрели на мою мать. Та сидела, плотно сжав губы.

– Я ничего не понимаю. Но я не сомневаюсь, что в конечном итоге мы разберемся. Но для этого нам с Мелани нужно держаться вместе. Чтобы бороться с этим злом. Когда двое выступают против одного, у них всегда больше шансов.

Я стояла, глядя сверху вниз на мать, и чувствовала, как страх еще резче подчеркивает эти тридцать лет одиночества.

– Или же ты можешь просто снова уехать. Не вернись ты назад, ничего этого не случилось бы.

Она встала, глядя на меня в упор, и я заметила, что мы с ней почти одного роста.

– Слишком поздно.

Мне не понравился тон ее голоса. Было в нем нечто зловещее. Она явно что-то скрывала, и это нечто покалывало изнутри мой затылок – этаким зудом, который невозможно утолить.

– Что бы это ни было, оно связано с судом моего прадеда, – продолжила мать. – И если его поднимут, что наверняка будет сделано, это принесет нам немало бед и страданий.

Я посмотрела ей в лицо. Когда-то давно, когда я была ребенком, я просыпалась по ночам и пыталась вспомнить лицо матери, чтобы никогда не забыть. И вот теперь я не испытывала облегчения, оттого что не забыла ни единой его черточки или цвета глаз. Она сама предпочла стать мне чужой... ее не было ни на одном моем дне рождения с тех пор, как мне исполнилось семь лет. Да что там! Ее не было ни на одном значимом событии в моей жизни – этаким призраком, чье присутствие на фотографиях было обозначено пустым местом рядом со мной.

– Нет никаких «мы», мама. Если мне понадобится изгнать призрака, я обращусь за помощью к Джеку. Мы делали так раньше. Но если я когда-нибудь попрошу о помощи тебя, в аду ударит мороз.

Она недоуменно подняла бровь, не выказав, однако, иных эмоций, кроме удивления.

Джек подошел ко мне и обнял за плечи.

– Миссис Приоло... Джинетт... я не вижу того, что видите вы с Мелли, но я видел достаточно, чтобы знать: когда кто-то из вас чувствует что-то недоброе, я непременно вас выслушаю. Вот почему я согласен с вами в том, что Мелли не должна оставаться одна, пока мы всё не выясним.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но Джек сжал мои плечи, чем заставил меня промолчать.

– Думаю, мне есть смысл вновь переехать в твой дом, чтобы тебе не иметь с этим дело в одиночку. – Он улыбнулся своей коронной улыбкой, которая неизменно творила с моим живото самые неожиданные вещи. – Как в старые добрые времена.

Я одарила его колючим взглядом, хотя при всей двусмысленности его предложения в душе я была ему благодарна. Позволив его руке остаться на моем плече, я повернулась к матери:

– Именно так. У нас с Джеком есть опыт такого рода вещей, так что обо мне не беспокойся. Твоя помощь нам не понадобится.

– Понятно, – сказала он, посмотрев сначала на меня, затем на Джека и снова на меня. – Понятно. – Она наклонилась и подняла с пола рядом со стулом, на котором сидела, сумочку. – Похоже, у вас здесь все под контролем, поэтому я просто уйду. – Она уже было направилась в холл, но затем остановилась и обернулась: – Не забудь, что мы с тобой встречаемся завтра в девять часов. Я буду ждать тебя на Легар-стрит прямо перед домом.

Облегчение, которое я испытала, когда она только собралась уходить, рассеялось, уступив место страху.

– Ты все еще хочешь купить тот дом? Разве у тебя нет дел в Нью-Йорке, к которым тебе нужно вернуться?

Она улыбнулась едва заметной полуулыбкой, и я впервые заметила, как мы с ней похожи. Почему-то это меня лишь опечалило.

– Я ухожу на покой, Мелли. Лучше уйти со сцены, когда ты на вершине славы, чем остаться в памяти людей немолодой певицей со слабым голосом. – Она огляделась по сторонам, как будто только сейчас заметила, где находится. – Мне нравится, что вы сделали с этим домом, – сказала она, глядя на разномастную мебель и пустые окна.

– Мы пока в самой середине восстановительных работ, – раздраженно объяснила я. – Мы вывезли большую часть мебели, и она будет храниться в другом месте до тех пор, пока мы не восстановим полы и не оштукатурим все стены. В противном случае мебель можно испортить.

Мать снова пристально посмотрела на нас.

– Хорошо. Смотрю, теперь ты специалист по части ремонта и реставрации. А значит, именно тот человек, который поможет мне после того, как я куплю свой дом. – Прежде чем я успела что-то сказать, она повернулась на каблуках: – Увидимся завтра в девять утра.

Я услышала, как, тихонько скрипнув, повернулась дверная ручка, а затем тихий щелчок закрывшейся двери.

Я отстранилась от Джека.

– У нее железные нервы. Можно подумать, я стану ей помогать. Разве только если мой босс заставит меня.

К моему удивлению, Джек был готов лопнуть от смеха.

– Что тут смешного?

– Ты. Знаешь, ты ведь такая же, как она. Тебе всегда нужно, чтобы последнее слово осталось за тобой.

Я открыла было рот, чтобы возразить, затем вспомнила улыбку моей матери и то, как она сказала «мы», и была вынуждена признать: возможно, Джек не так уж и не прав.

Вместо ответа я направилась обратно в кухню.

– Я пойду погуляю с собакой.

– Я с тобой, – заявил Джек, увязавшись за мной следом.

– Я тут на днях познакомилась с одной твоей старой приятельницей, – сказала я, пока мы шли в кухню.

– В самом деле? И кто это?

– Ребекка Эджергон.

– А! Она говорила, что собирается связаться с тобой по поводу статьи, над которой работает, о твоей матери. Я сказал ей, что вы не совсем... близки.

Я толкнула дверь кухни и застыла на пороге.

– Что, однако, не помешало ей связаться со мной.

Джек остановился в дверях – так близко ко мне, что я уловила запах его одеколона.

– Она удивительно похожа на Эмили, тебе не кажется?

– Не замечал, – буркнул он, шагнув меня мимо в кухню.

– Хм, – скептически буркнула я, не вполне убежденная в его правоте, но не желая вступать с ним в полемику по этому поводу. На сегодня мне с лихвой хватило общения с матерью.

Джек между тем надел на Генерала Ли ошейник. Взяв поводок, я вышла через черный ход. Если честно, я была рада приходу Джека. Мне было легче при мысли о том, что в доме я не одна. При этом мы с ним оба знали, что я никогда не признаюсь в этом даже через тысячу лет.

Глава 5

Верный своему слову, Джек, чтобы лишний раз не напоминать мне о себе, провел ночь в комнате для гостей на втором этаже. Я оставила под дверью свежие простыни и чистые полотенца, как бы намекая ему, что его присутствие оценено, хотя не совсем желанно. Но хотя он спал на другом этаже, я знала, что он со мной под одной крышей, подобно тому, как собака знает, когда вы прячете в кармане угощение.

На следующее утро я вышла из дома как можно раньше – чтобы не встречаться с ним, а также потому, что мне все равно не спалось. В ожидании девяти часов я провела два часа у себя в кабинете: попивала кофе с сахаром и расставляла по местам канцелярские принадлежности. Я также позвонила Софи, уверенная в том, что перспектива посещения исторического дома к югу от Брод-стрит более чем компенсирует тот факт, что я разбудила ее за несколько часов до того, как она планировала встать с постели. Она не стала спрашивать меня, почему я захотела взять ее с собой, пока я буду показывать матери дом ее детства. Именно поэтому я любила Софи Уоллен больше всех остальных в этом мире.

Я приехала первой, в восемь пятьдесят. Терпеть не могу опоздания, почти так же как ненавижу дурные манеры за столом и нечищеную обувь. Вероятно, это результат воспитания отцом-военным, хотя и алкоголиком, который научил меня правилам, путь даже лишь с той целью, чтобы я по утрам могла проследить, что он был надлежащим образом одет и, выпив чашку крепкого кофе, отправился на службу.

Я стояла на тротуаре перед воротами, нетерпеливо постукивая ногой. Я бы простила за опоздание Софи; это была такая же неотъемлемая часть ее личности, как и ее неизменные «биркенстоки». Но матери я дам только лишние пять минут, после чего меня уже тут не будет.

Заметив ярко-зеленый «Фольксваген»-«жук» Софи, я помахала ей. Найдя свободное место, она припарковалась у бордюра на другой стороне улицы и вышла из машины. Я тотчас вытаращила глаз, на сей раз потрясенная не ее нарядом, а рядами крошечных косичек с вплетенными в них разноцветными бусинами, что каскадами свисали с ее головы. Хотя сама прическа была не так уж и плоха, из-за нее и без того маленькая головка Софи выглядела как образец из коллекции засушенных голов, какую я однажды видела в личной библиотеке одного потенциального клиента.

– Что случилось? – спросила я, когда она подошла ближе. – Надеюсь, ты по крайней мере выдвинешь обвинения.

Она широко улыбнулась, ставя ногу на тротуар.

– Эту прическу мне предложила сделать одна моя студентка. Я согласилась. Чэду нравится.

Я подняла бровь, но ничего не сказала, заметив выражение ее лица, когда она взглянула на дом за моей спиной.

– Ты самая счастливая из всех, и я хочу, чтобы ты это знала. Сначала по счастливой случайности ты получаешь в наследство особняк Вандерхорста на Трэдд-стрит, а затем появляется твоя мать и хочет купить для своей семьи дом – еще один архитектурный шедевр. Бэмс! И теперь у тебя два самых красивых исторических дома в Чарльстоне! У той, что еще недавно снимала квартиру в современном кондоминиуме!

– Тебе не приходило в голову, что я могу предпочитать квартиру всему этому добру? Я смутно припоминаю дни, когда мне не нужно было тратить все свое время, энергию и ногти, соскребая краску со старинной штукатурки. Или привязывать мой личный график к работе разных плотников и маляров? Теперь я провожу больше времени с ними, чем со своей маникюршей и массажисткой.

Она вновь улыбнулась и с мечтательным выражением лица посмотрела на трехэтажный георгианский особняк, чей двухэтажный портик отбрасывал на тротуар тень. Но, похоже, она услышала меня, потому что сказала:

– Этот дом классический. Думаю, он построен около тысяча семьсот пятьдесят шестого года.

Я скрестила на груди руки.

– На самом деле это был тысяча семьсот пятьдесят пятый год. А двойной портик с ионическими колоннами был добавлен лишь в тысяча восемьсот двадцать шестом году, чтобы продемонстрировать неоклассические вкусы владельца в то время, когда в моде был федеральный стиль.

Софи повернулась ко мне, ее самодовольная улыбка стала еще шире.

– Знаешь, а ты ведь не безнадежна. Более того, тебя даже можно выпустить с лекцией перед моими студентами о том, что такое реальная реставрация. Ты отлично изучила вопрос. А если ты пару раз вставишь это словечко «неоклассический», то точно произведешь на них впечатление.

Я фыркнула, но в душе осталась довольна. До того как я вопреки собственному желанию стала владелицей исторически ценного дома, моя позиция была примерно такой: «Снести к чертовой бабушке все это обветшалое старье и построить на его месте многоярусную парковку».

Хотя для всех я оставалась поклонницей кондоминиумов, я определенно была уже не той, что унаследовала дом на Трэдд-стрит. Теперь мне было понятно, что квартирка в кондоминиуме с ее белыми голыми стенами была лишь формой самосохранения для молодой девушки, которая видела, как дом, в котором родилась она, а до нее – шесть поколений ее семьи, был продан супружеской паре из Техаса, сделавшей свое состояние на торговле металлоломом.

– Что с садом? – спросила Софи, всматриваясь сквозь садовые ворота.

– Ужасен, не правда ли? – сказала я, открывая калитку. – Но погоди, пока не увидишь, что там внутри. В объявлении в Интернете много картинок. Скажу лишь то, что я очень надеюсь, что это были просто очень плохие снимки, которые не показывают красоту дома. По словам агента, для большей части дома жена не стала прибегать к услугам декоратора, заявив, что хочет сделать все сообразно собственным вкусам.

Софи нахмурилась, глядя на цементные и стеклянные кубы, чьими единственными притязаниями на принадлежность к миру искусства были пьедесталы, на которые они были установлены. Она задержалась перед ржавой металлической скульптурой, удивительно похожей на старую автомобильную дверь из лучших дней Детройта.

– Что это?

– Дверь от «Кадиллака Севильи». Примерно тысяча девятьсот семьдесят седьмого года выпуска.

Мы обе как по команде повернули головы. Моя мать, в шубке и кожаных перчатках, стояла, пристально разглядывая сад, который, увы, больше не был похож на тот, в котором мы с ней и бабушкой когда-то пили чай. Клумбы исчезли, равно как и кусты жасмина и самшит. По морщинкам на лице матери я догадалась: она тоже видела то, чего там больше не было.

– Это катастрофа, не правда ли?

Софи протянула для рукопожатия руку:

– Приятно познакомиться, мисс Приоло. Я – Софи Уоллен, преподаю историческую реставрацию в местном колледже. Запись вашего голоса, где вы исполняете арию Изольды из «Тристана и Изольды» на Байройтском фестивале, всегда есть на моем плеере. Я так часто ее слушала, что слегка заиграла.

Моя мать покраснела и впиалась взглядом в косички Софи.

– Спасибо огромное. Я польщена, особенно слыша это от вас. Я читала про некоторые из недавних реставраций в городе и хорошо знакома с вашей работой. Она впечатляет. У вас зоркий глаз и тонкий вкус, что касается деталей и красоты. – Она посмотрела на меня. – Полагаю, именно поэтому Мелли захватила вас сюда с собой?

Скажу честно, мне стало немного тошно от их взаимного восхваления, и я поспешила встать между ними.

– Вообще-то, Софи моя хорошая подруга. Я хотела, чтобы она была со мной на случай, если мне понадобится свидетель.

Мать улыбнулась, но ничего не сказала. Я многозначительно взглянула на часы.

– Четыре минуты десятого, и после этого у меня еще один показ, так что давай побыстрее покончим с этим делом. – С этими словами я торопливо зашагала к мраморному крыльцу с перилами из кованого железа.

Они обе последовали за мной.

– Я подумала, что ты не станешь ждать больше пяти минут, поэтому почти на ходу проглотила свой завтрак, чтобы успеть вовремя. – В ее голосе слышались язвительные нотки. Я покраснела, пораженная точностью ее догадки, и нащупала ключ.

– Некоторые люди серьезно относятся к своим обязанностям. Мои не допускают никаких опозданий. Если одна утренняя встреча задерживается, то я опаздываю на все мои встречи до конца дня. Согласись, что это не идет на пользу бизнесу. Да и жизни в целом, – добавила я, доставая ключ и вставляя его в замок, чтобы открыть входную дверь.

Мы столпились в просторном вестибюле, который тянулся по всей длине дома. По обеим его сторонам располагались не менее просторные гостиные. Я оттягивала этот момент как можно дальше, собирая информацию исключительно из Интернета и у агента по листингу. Из чего следовало, что я была поражена не меньше, чем Софи и моя мать.

– О! – воскликнула Софи, так и не найдя лучшего слова.

Я ждала, когда на меня накатит приливная волна скорби и сожаления. Вместо этого я смотрела на комнату перед собой, выискивая глазами напоминания о моей бабушке и нашей жизни с ней. Увы, сходство было слабым – этакий призрачный образ на обратной поверхности век, оставленный фотовспышкой.

Мы стояли, глядя на мраморный пол, покрытый дорожкой из искусственной зебры, протянувшейся по всему коридору. Элегантные резные карнизы были выкрашены в черный цвет – чтобы усилить контраст со стенами цвета фуксии. Ярко-зеленые кресла-трансформеры предлагали посидеть всем, кто был наделен хотя бы мало-мальским вкусом и у кого от психоделических красок вестибюля подгибались, став ватными, ноги.

– Она сделала все сама, – напомнила я.

Моя мать резко повернулась и бросила взгляд на итальянскую люстру из позолоченного дерева, которой каким-то чудом удалось спастись от краскопульта, и развешанные по стенам портреты в рамках, глядя на которые можно было подумать, что их нарисовали внуки владельца.

Или обезьяны.

Подойдя к розовому лакированному столику, Софи потянула ручку ящика. Та осталась в ее руке. Бережно положив ручку обратно на блестящую поверхность, она отпрянула от столика, как от зачумленного места.

– Какой это, по-твоему, стиль? – спросила я у Софи.

– Думаю, что «раннее возрождение» гаражных распродаж, – ответила моя мать с невозмутимым лицом.

Я поспешила отвернуться. Не хотела, чтобы она увидела мою улыбку и поняла, что высказала вслух мои мысли.

– Ух, ты! – воскликнула Софи, входя в одну из парадных комнат по обеим сторонам коридора. – Я видела это окно снаружи, но изнутри оно поражает еще больше.

Я немного поколебалась, прежде чем войти вслед за ней в комнату. Эта комната была моей любимой, здесь я проводила большую часть времени с моей бабушкой – играла в карты или, подобрав под себя ноги, читала на одном из ее бесценных старинных диванов. Если погода была плохой, мы пили чай, и бабушка Приоло разрешала мне наливать его, хотя это и угрожало чистоте ее обюссонского ковра. В этой комнате я ощущала себя любимой и окруженной заботой, а не объектом постоянных трений между родителями.

Больше всего я любила огромное окно, установленное в конце девятнадцатого века. Это было странное окно. Оно плохо соответствовало и стилю дома, и стилю Викторианской эпохи. Оно выглядело почти современно, две женские фигуры на нем были едва различимы, если не знать, где их искать и под каким углом смотреть в стекло. Через окно тянулись побеги глицинии, переплетаясь, словно огромная дорожная карта, ведущая в никуда. Хотя вдохновение, некогда подвигнувшее кого-то установить это окно, и его значение, наверняка когда-то были известны, и то, и другие давно стали достоянием прошлого.

Подойдя к Софи, я встала в лучах солнечного света. Струясь сквозь окно, тот превращался в маслянисто-желтый. Повернув лицо навстречу его теплу, я ощутила присутствие моей бабушки, лучи солнца как будто были ее пальцами на моей коже.

Софи щелкнула языком.

– Тому, кто установил это окно, крупно повезло, что он не сталкивался с Бюро архитектурного надзора, иначе бы он никогда не получил разрешения. – Она улыбнулась мне. – При чем впервые в жизни я могу сказать, что это было хорошо.

– А еще хорошо, – вывел меня из задумчивости голос матери, – что нынешние владельцы не видели необходимости менять окно в соответствии со своими вкусами. – Она выразительно посмотрела на оранжевый ковер, обои в мелкий цветочек и люстру с зеркальным покрытием.

Софи провела рукой по отвратительным обоям.

– Они заклеили прекрасную кипарисовую обшивку, которой славится этот дом. О чем они только думали? – Она покачала головой. Косички-дреды тоже закачались, словно в знак согласия. – К счастью, они, похоже, не внесли никаких структурных изменений. Только эти кошмарные косметические. Так что вернуть дому его прежнее великолепие не составит особого труда.

– Приятно это слышать, – сказала моя мать, и я почувствовала на себе ее взгляд.

Вспомнив свою работу и то, зачем я сейчас здесь, я повернулась к большому дверному проему:

– Обратите внимание на расширенные дверные проемы из зала и двери, которые повторяют неоклассические формы портика. Они были добавлены одновременно с портиком и датируются двадцатыми годами девятнадцатого века.

– И эта каминная полка, – добавила моя мать. Она перешла в конец комнаты и теперь стояла перед камином, – отлита с использованием формы, созданной Рэймиджем и Фергюсоном из Шотландии. Наши предки Приоло всегда приобретали лишь самое лучшее. – Она улыбнулась мне.

– Не понимаю, зачем я тебе здесь понадобилась, – сказала я, нахмутив брови. – Ведь ты ничего не забыла об этом доме. Не проще ли было подать заявку на приобретение дома и подписать бумаги? Мы обе сэкономили бы массу времени и энергии.

– Да, наверно, так было бы проще, – согласилась она, медленно обходя комнату и любуясь ее утонченной красотой, вынужденной делить общество с аляповатыми цветами и металлическими тканями, которые были здесь столь же неуместны, как шляха в церкви. – Но тогда я бы не смогла увидеть, каково это, быть с тобой здесь после всех этих лет.

Я посмотрела на Софи – та как будто невзначай направилась вон из комнаты, подметая пол подолом потертой джинсовой юбки. Я с тоской посмотрела ей вслед и мысленно попросила вернуться, будучи почти уверена, что она вышла из комнаты не случайно.

– Теперь, когда ты это узнала, – сказала я, поворачиваясь к матери, – почему бы нам не поехать ко мне на работу, чтобы я могла подготовить нужные бумаги?

– Мы еще не закончили осмотр дома, Мелли. Я хочу увидеть кухню.

Я застыла, вспомнив, что дальняя часть дома совершенно не похожа на переднюю. Будучи ребенком, я старалась не ходить дальше передних комнат одна, замечая, что шепот там становится громче, прикосновение к моей коже смелее. Но был там один призрак, которого я смутно помнила: его присутствие было теплым, и в его обществе я чувствовала себя в безопасности.

Он был моим защитником, и пока он оставался со мной, я могла ходить по дому спокойно. Но затем я совершила ошибку, рассказав про него отцу. Тот заявил, что это все плод моего воображения и если я не перестану говорить эти вещи, мои посещения бабушки будут ограничены.

Даже больше, чем страх не видеться с бабушкой, я боялась, что со мной что-то не так. И я перестала разыскивать моего воображаемого друга и вместо этого оставалась в первых комнатах, игнорируя шепот, манивший меня в дальний конец дома.

– Я останусь здесь, – сказала я.

В коридоре, ведущем на кухню, потирая руки, появилась Софи.

– Вряд ли это сорвет продажу или что-то еще, но мне кажется, что здесь что-то неладно с отоплением. Там как будто градусов на двадцать холоднее, чем в остальном доме.

Я выразительно посмотрела на мать и нехотя последовала за ней в кухню.

Та была недавно обновлена. Несмотря на неудачную цветовую гамму и такие же неудачные обои, дизайн был солидный, равно как и шкафы из вишневого дерева, и приборы из нержавеющей стали.

– Думаю, если декоратор и приложил руку, то именно здесь, – предположила моя мать.

Софи кивнула:

– Я знаю это наверняка. Хорошо помню, как дизайнер консультировался у меня по этому поводу. – Она указала на дальний угол кухни, где когда-то располагался красивый камин работы Адамса и где сейчас была стена с нарисованной на ней коровой породы лонгхорн.

– О господи, – прошептала я. – Даже мне кажется, что это кощунство!

Софи убрала одну косичку за ухо.

– Я сказала Дебби, дизайнеру, чтобы камин не трогали, а просто закрыли его, не повредив деревянных деталей. Каминная полка цела и хранится на чердаке. Но снести все действительно было бы кощунством. Закрыть камин было невероятной глупостью, но, на наше счастье, глупостью обратимой.

Моя мать шагнула к открытой двери напротив настенной росписи.

– Предлагаю подняться по черной лестнице и осмотреть верхние этажи.

– Нет! – Это слово сорвалось с моих губ прежде, чем я успела сообразить, что говорю. Софи и моя мать посмотрели на меня, но лишь на лице Софи читался вопрос.

– Ее бабушка погибла, упав с лестницы, – пояснила мать. – Посмотри, Мелли. Теперь тут с обеих сторон поручни, так что тебе нечего опасаться.

Я знала: Софи должна услышать правду, и я расскажу ее ей. Просто у меня временно отнялся язык. Я никогда не ходила по этой лестнице без своего защитника и знала – то ли потому, что он предостерег меня, то ли мне это подсказывал внутренний голос, что я никогда не должна пытаться сделать это в одиночку. Там, наверху, что-то было. Нечто не из этого мира. Нечто недоброе.

– Я останусь здесь.

Я попятилась. Внезапно почувствовав на полу под моей туфлей какой-то песок, я подняла ногу и увидела крупинки соли. Похоже, соли морской.

Мать подошла ко мне и пристально посмотрела мне в лицо.

– Ты тоже это чувствуешь? Оно всегда было здесь. – Она встала передо мной. – Но скоро станет еще сильнее.

К нам подошла Софи, но мы с матерью продолжали смотреть друг на друга.

– В чем дело?

Но тут зазвонил мой мобильник. От неожиданности я даже вздрогнула. Благодарная этому звонку я порылась в сумочке и, вытащив телефон, увидела на экране номер Джека.

– Я должна ответить. Вы двое поднимайтесь наверх и осмотрите два других этажа.

Софи с видимой неохотой последовала за моей матерью вверх по ступенькам. Я вздрогнула, глядя им вслед.

– Алло? – сказала я в трубку.

– Привет, Мелли. Это я, Джек.

– Знаю. Твое имя высветилось на экране.

Я уловила в его голосе улыбку.

– Ага, значит, ты не удалила мой номер со своего мобильного.

– Мой прокол, – сказала я. Жаль, что он не видит, как я закатила глаза. – И то, что мы говорим снова, вовсе не значит, что мы должны это делать.

Его тон изменился:

– Знаю. Но мне нужно было сказать тебе кое-что важное, прежде чем ты прочтешь об этом в газете.

Я посмотрела на кухонный пол. Было хорошо видно, как керамическую плитку пересекает дорожка подсохшей соли.

– Что это? – слегка задыхаясь, спросила я.

– С тобой все в порядке? Тебе как будто не хватает воздуха.

– Все хорошо, – солгала я. – Главное, скажи мне.

– Помнишь ту новость про судно, найденное у острова Салливан? И то, что это оказалось судно твоего прадеда? И что оно с тысяча восемьсот восемьдесят шестого года числилось пропавшим?

– Да. – Скорее выдохнула, нежели сказала я.

– Прежде чем попытаться его поднять, спасательная организация отправила вниз водолазов, чтобы те вытащили на поверхность все, что там есть интересного. – Джек помолчал, затем заговорил снова: – Может, мне стоит приехать к тебе, чтобы рассказать все как есть?

– Нет, – ответила я. – Продолжай.

– Водолазы нашли корабельный сундук и вчера подняли его, – сказал он и, вновь помолчав, продолжил: – Сегодня его открыли.

Внезапно почувствовав тошноту, я опустилась на пол.

– И? – спросила я.

– Внутри были человеческие останки.

Я не ответила. Я стояла на коленях, глядя на дорожку соли. Увы, с опозданием до меня дошло, что зернистые пятна похожи на отпечатки ног. Я задержала дыхание, как будто готовясь нырнуть в воду, и замерла, увидев, что соляной след ведет к лестнице черного хода.

– Джек? – прошептала я. – Кажется, у нас здесь проблема.

Я бросила телефон и закричала.

Глава 6

Я не знала, как я попала в квартиру Джека на Куин-стрит. Помню лишь то, как я сидела на кухонном полу в доме моей бабушки. Мои крики смолкли, но лишь потому, что мне не хватало воздуха – мою голову как будто сунули под воду. Должно быть, я потеряла сознание, потому что следующее, что мне запомнилось, это как Софи и моя мать помогали Джеку посадить меня в его машину. Мне также смутно запомнились фотовспышки и два фургона местных телестанций перед домом, застывшие в ожидании своей жертвы, словно стервятники.

Я лежала с пакетом льда на лбу на кожаном диване в квартире Джека, смутно осознавая, где нахожусь. Элегантная и со вкусом обставленная квартира Джека не переставала меня удивлять. У меня просто не укладывалось в голове, как такой человек, как Джек, которому ничего не стоило закинуть ноги на мой кофейный столик или оставить грязные тарелки на телевизоре, жил в квартире, которая выглядела так, как будто она сошла с обложки «Архитектурного обозрения».

Нет, конечно, здесь наверняка сказывались гены – его родители владели роскошным антикварным магазином на Кинг-стрит. И все же...

Из кухни доносились приглушенные голоса – голос самого Джека и чей-то мягкий женский. Я точно знала, что это не Софи и не моя мать. Потому что слышала, как они сказали Джеку, что если телевизионщики увяжутся за нами, они поедут в противоположном направлении. Я убрала пакет со льдом и подняла голову.

Ко мне подошла Амелия Тренхольм, мать Джека и одна из самых давних и близких подруг моей матери. Ее изящные манеры и миниатюрная фигура прекрасно вписывались в элегантную обстановку. Она села на диван рядом со мной и положила теплую руку на мой висок.

– Ты все еще немного горя. Скажи, тебе уже лучше?

Я кивнула и попыталась сесть, но она положила руку мне на плечо и заставила снова лечь.

– Я хочу, чтобы, прежде чем снова попытаться встать, ты что-нибудь съела, хорошо?

За ее спиной, держа поднос с пончиками в шоколадной глазури, вырос Джек. Взяв один пончик, миссис Тренхольм завернула его в салфетку и передала мне. У меня тотчас заурчало в животе.

– Джек специально съездил и купил их для тебя. Сказал, что ты такие обожаешь. – В голосе Амелии слышалось сомнение. Откусив кусок пончика, я кивнула. Если честно, я зверски проголодалась.

Амелия улыбнулась и покачала головой:

– Ты копия матери. Смотрю, ты унаследовала ее аппетит, а также склонность обоих твоих родителей к сахару. Что, по-моему, несправедливо.

Я откусила очередной кусок, слишком голодная, чтобы возражать против сравнения меня с моей матерью.

Миссис Тренхольм откинула мои волосы назад.

– Репортеры уже толпятся у твоего дома и перед вашим офисом. Мы были вынуждены отключить твой мобильник, потому что от газет и телеканалов просто не было никакого житья. Ах, да! Дэвид Хендерсон звонил трижды. Сначала, чтобы поздравить тебя со свалившейся на тебя славой. Затем, чтобы убедиться, что на воротах дома на Легар-стрит есть вывеска «Продано. Бюро недвижимости Гендер-сона».

– А в третий раз?

Амелия поджала губы:

– Я не ответила. Именно тогда я выключила телефон.

– Разумно, – сказала я, откусывая очередной кусочек пончика и чувствуя себя уже гораздо лучше. – Но почему всех так волнуют человеческие останки, которые, очевидно, пролежали в сундуке с тысяча восемьсот восемьдесят шестого года?

Джек сел на подлокотник дивана рядом с моей головой.

– Потому что имя Приоло у всех на слуху. Но его часто можно услышать в том же предложении, что и слово «убийство». Посмотрим правде в глаза: кто бы ни был в этом сундуке, он попал туда не сам.

Чувствуя, что моя голова прояснилась, я села.

– Но ведь не я положила их туда.

– Нет, конечно, – согласилась Амелия. – Но ты одна из двух живых потомков того, кто мог это сделать. Репортерам интересно, известно ли тебе что-нибудь, и как только ты скажешь им, что ничего, и никаких новых зацепок не появится, они оставят тебя в покое.

– Вы действительно так думаете? – Хотя в детстве я довольно долго жила в других местах, все же, как истинная уроженка Чарльстона, я считала, что имя женщины может появиться в газете лишь трижды в ее жизни: в объявлениях о рождении, замужестве и смерти.

– Ты уверена? – спросила Амелия, переглянувшись с Джеком, после чего они оба посмотрели на меня.

– Что такое?

Джек положил руку мне на плечо:

– Мелли, ты точно ничего не знаешь? А как тогда предчувствие твоей матери и твой недавний контакт с бабушкой? И то, что случилось сегодня в ее доме? По всему полу было что-то рассыпано. По словам твоей матери, это было похоже на соль, но она понятия не имела, как эта соль туда попала. А у черной лестницы была лужа воды.

Я встретила с Джеком взглядом, и по моему позвоночнику пробежала дрожь.

– Клянусь, я ничего не знаю. Думаю, моя мать знает больше, чем она готова признаться, так что лучше спросите у нее. – Я сглотнула, проталкивая в горло застрявший кусочек пончика. – Мне кажется, это связано с тем, что было в моем доме в тот вечер, когда там был ты и моя мать. Это запах – похожий на запах морской воды. Моя мать тоже его почувствовала.

Звякнул дверной звонок. Когда Джек открыл дверь, на пороге стояла моя мать, как будто знала, что мы говорим о ней.

– Как Мелли? – спросила она, когда Джек помог ей снять пальто. Как обычно не снимая перчаток, мать подошла к моему дивану. Амелия встала и поцеловала ее в щеку, после чего она заняла место рядом со мной. – Я волновалась за тебя.

У меня не было сил оспаривать очевидные факты.

– Со мной все в порядке. Просто я...

Ее затаенная в перчатку рука коснулась моей руки:

– Я знаю. Я видела.

Я посмотрела ей в глаза и впервые увидела не мать, на которую затаила обиду, а человека, который отлично понимал: тени, которые я видела, голоса, которые я слышала всю свою жизнь, были настоящими. Нелюбовь моего отца ко всему необъяснимому привела меня на путь отрицания, и вот теперь я смогла сойти с этого пути.

– У меня такое чувство... – сказала я, глядя ей в глаза, – что бы там ни было раньше, но призрак наверху лестницы, который я помню, был тем же самым, что и вчера. Но если судно пролежало под водой более ста лет, как он мог бывать здесь, когда я была маленькой девочкой?

Мать посмотрела на свои перчатки и, прежде чем взять меня за руку, осторожно их сняла. Я не отдернула руки, что, как мне кажется, удивило нас обеих.

– Да. Ты права. Он был там, еще когда я сама была ребенком. Но тогда это была лишь тень, точно так же, как когда там жила ты. Думаю, чтобы проецировать себя в нашу жизнь, ему требовался какой-то экстрасенс. Наверно, именно поэтому, после того, как дом был продан,

никаких новых сообщений о призраках в нем больше не было. Но сейчас... – Она пожала плечами. – Боюсь, что находка останков вернула его обратно, но в форме, которая для подпитки энергией не нуждается в таких людях, как мы. Полагаю, именно это он – вернее, она продемонстрировала нам сегодня в кухне. Именно поэтому она последовала за тобой к тебе домой. Вряд ли она оставит нас в покое, пока не получит то, что ей нужно. Или пока мы ее не уничтожим.

Мы вновь посмотрели друг другу в глаза.

– Значит, по-твоему, они связаны? Твои сны и судно, которое поднимут с морского дна, и то, что, как мы всегда знали, обитает в доме бабушки, – все это взаимосвязано? И мы тоже?

Мать кивнула и отвернулась, но я успела заметить в ее глазах некую темную тайну.

– Что такое? – спросила я. – Чего ты недоговариваешь? – Я сжала ее руку. Мы обе одновременно поняли: я впервые за тридцать лет прикоснулась к ней. Я убрала руку и положила ее на холодную кожу дивана.

– Это все, что мне известно о призраке. Живя в этом доме, я избегала его. Так же, как и ты. – Она грустно улыбнулась. – Твоя бабушка, по всей видимости, знала больше, и что-то подсказывает мне, что, если мы хорошенько прислушаемся, мы услышим, что она пытается нам сказать.

Мы. Я не хотела, чтобы это маленькое слово так сильно повлияло на меня. И, возможно, я не должна была этого допустить. Нас с матерью связывали лишь наши экстрасенсорные способности. Я привыкла работать с людьми как профессионал, мне было не обязательно их любить. Конечно, мне не составило бы особого труда сделать эту маленькую вещь – помочь матери изгнать духа. И затем, как после подписания контракта с клиентом, мы просто разошлись бы каждая своим путем.

Я села прямо, и Джек взял мою салфетку.

– Итак, ты хочешь, чтобы я помогла тебе прогнать этого призрака.

Мать подняла бровь. Кстати, она делала это постоянно.

– Вообще-то, это я помогу тебе избавиться от него. Похоже, он заиклен на тебе. – Она изящно пожала плечами. – А ты со своей стороны могла бы помочь мне с восстановлением дома на Легар-стрит после того, как я куплю его. Как сказала Софи, в основном это будет косметический ремонт, и он не потребует столько денег и сил, как в твоём собственном доме. Но я была бы признательна тебе за твои знания и советы, поскольку у тебя уже имеется собственный опыт.

Мою голову как будто сжали тисками. Как женщина, гордящаяся своей независимостью, я странным образом оказалась во второй раз за год загнана в угол.

Вперив взгляд в руки моей матери, я на миг задумалась. Одновременно боковым зрением я видела, как Джек и его мать пытаются делать вид, будто наш с ней разговор им неинтересен. Мать вернулась в мою жизнь недавно, но даже этого времени мне хватило, чтобы понять: она великий манипулятор. По всей видимости, эта черта была у нее в крови вместе со способностью видеть мертвых людей.

– Думаю, я смогу это сделать, – сказала я, пытаясь сдержать улыбку. – Но я не могу взять на себя восстановление еще одного дома одна. Мне нужна помощь.

– Разумеется, – кивнула мать. – Я предполагала, что ты привлечешь свою подругу Софи и всех, кто еще помогал с твоим домом. Разумеется, я им всем заплачу. Я также попрошу Амелию помочь мне с мебелью. Вряд ли я оставлю ту, что сейчас в доме, она как будто из студенческого общежития.

На этот раз я улыбнулась. В моей голове родилась идея – идея, которая должна была стать идеальным возмездием за то, что моя мать добилась своего.

– Вообще-то, я не подумала про Софи, но теперь, когда ты упомянула ее, – да, мне понадобится ее помощь. Я же подумала про моего отца. Он восстановил сад на Трэдд-стрит. Уверена, он с удовольствием возьмется за это дело и на Легар-стрит.

Ее улыбки как не бывало.

– Сомневаюсь, что он...

– Это мое главное условие, мама. Или он участвует, или ты делаешь все сама. Твой выбор. Помнишь, что мы с Джеком избавились от зловредного призрака? Я уверена, что у нас получится сделать это снова. Но я сомневаюсь, что ты когда-либо восстанавливала дом самостоятельно.

Моя мама посмотрела на Амелию Тренхольм. Лицо матери Джека оставалось бесстрастным. Джек извинился и пошел принести из холодильника безалкогольное пиво.

Впрочем, я не стала мысленно похлопывать себя по спине в знак одобрения за точно нанесенный удар: какая-то часть меня отчаянно хотела, чтобы она сказала «да».

Джинетт снова повернулась ко мне:

– Что-то подсказывает мне, что я когда-нибудь горько пожалею об этом, но сейчас я не вижу иного выбора. Кроме того, если он будет работать в саду, мне не придется часто иметь с ним дело.

В ответ я, подражая ей, подняла бровь.

– Ну ладно, – сказала она, вставая и надевая перчатки. – Пусть будет так. А теперь, похоже, мы должны подготовить небольшое заявление для прессы, чтобы они поскорее убрались. Что-то в духе того, что мы ничего не знаем, и это правда. Мол, то, что произошло более ста лет назад, сегодня не имеет для нас никакого значения.

Джек протянул руку, помогая мне встать с дивана.

– Верно. И мы знаем, что это правда. – Он обнял меня, и я с благодарностью прильнула к нему. Мне тотчас вспомнился призрак маленького мальчика, который заставил нас разгадать тайну прошлого, чтобы вернуть доброе имя его матери.

Заметив руку Джека, мать снова оглянулась на меня.

– Я не сказала, что это правда, а только то, что я скажу прессе. – Она взяла сумочку. – Надеюсь, ты извинишь меня, если я не завершу эту сделку рукопожатием. – Джинетт на прощание поцеловала Амелию, и Джек открыл ей дверь. – Я позвоню тебе, – добавила она. – Я пока живу в отеле «Чарльстон-Плейс» на Митинг-стрит. И мне не терпится вернуться в родной дом.

Легкий испуг пробежал по моим жилам, словно песок в песочных часах, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, подталкивая меня к неизвестному сроку.

– Я позвоню тебе утром, чтобы обсудить детали предложения.

– Хорошо. Спокойной ночи, Мелли.

Не в силах ответить матери теми же словами, которые я в последний раз сказала ей много лет назад, в ту ночь, когда она оставила меня, я посмотрела на Джека в надежде на его помощь.

Он распахнул перед ней дверь:

– Спокойной ночи, мисс Приоло.

Она одарила его теплой улыбкой. Я внутренне простонала. Мать вышла, и Джек тихо закрыл за ней дверь.

* * *

Хотя была суббота, я уже встала, приняла душ и к шести тридцати была одета и занята тем, что наводила порядок в ящике для белья, раскладывая его по цвету и стилю, когда внезапно раздался звонок в дверь. Не то чтобы у меня не было иных дел. Например, у меня все еще не был готов пакет документов на приобретение матерью дома, равно как предложения для двух потенциальных клиентов, да и моя машина нуждалась в мойке, а Генерала Ли, который в данный момент свернулся калачиком на моей подушке, следовало отвезти к собачьему парикмахеру. Но годы терапии научили меня, что лучший метод восстановить контроль над

моей жизнью – это все разложить по полочкам. Увы, на прошлой неделе моя жизнь слетела так далеко от наезженной колеи, что я не была уверена, смогу ли когда-нибудь вернуть ее назад.

Я выглянула в окно, ожидая увидеть очередной фургон телевизионщиков, но моему взгляду предстал лишь красный кабриолет «Ауди». Несмотря на пророчества моей матери, ее заявления прессе лишь сильнее разворошили осиное гнездо СМИ. Репортеры роились вокруг меня, моего кабинета, моего дома и моей матери. Испытав их внимание на собственной шкуре, я даже прониклась сочувствием к Бритни Спирс.

Прижавшись лицом к окну, я прищурилась, пытаюсь разглядеть, что там есть дальше вдоль улицы, и заметила прямо позади «Ауди» «Порш» Джека. Дверной звонок звякнул снова. Сбежав по лестнице вниз, я на цыпочках подошла к двери. Сквозь матовое стекло я разглядела силуэты двух людей – мужчины и женщины. Я не была уверена, кто эта женщина, но мужчину угадала безошибочно.

– Джек? – спросила я, открывая дверь. – Сейчас всего шесть тридцать утра.

– Извини, – сказал он. Впрочем, никакого раскаяния на его лице я не заметила. – Должно быть, я забыл ключ в своей комнате. Но я знал, что ты не спишь. Не иначе как составляешь свои знаменитые таблицы срочных дел и вряд ли станешь возражать, если я тебя отвлеку.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но столь же резко закрыла, и не только потому, что Джек был близок к истине. Мой взгляд упал на белокурую женщину с ним рядом, и я удивленно уставилась на нее.

– Мелли, возможно ты помнишь...

– Ребекку Эджертон, – холодно сказала я. – Отлично помню. Кстати, она репортер.

– Да, – сказал он, жестом приглашая Ребекку войти первой. Он подышал на ладони, энергично потер их и быстро закрыл дверь, принеся с собой в вестибюль холодное дыхание улицы. Я стояла, глядя на них в ожидании объяснений.

– Может, пойдем на кухню, и я приготовлю кофе, – предложил Джек. – А потом поговорим.

– Я только «за», – пискнула Ребекка. – Мы не спали всю ночь, так что порция кофеина мне не помешает.

Выгнув бровь, я одарила Джека коронным взглядом моей матери, затем повернулась и зашагала в кухню.

– Всю ночь?

– У меня с собой был сотовый телефон, Мелли. Если тебе что-то было нужно, тебе было достаточно мне позвонить.

– Мы просто наверстывали упущенное, – вмешалась Ребекка. – Джек и я не виделись несколько лет, и нам было что рассказать друг другу.

– Не сомневаюсь. – Я пошла в кладовую и вытащила большую банку кофе. Джек тотчас вырос рядом и забрал ее у меня.

– Садись, я сам, – тихо сказал он. – Не хочу, чтобы ты находилась рядом с чем-то похожим на оружие.

Я подчинилась, пусть даже лишь ради того, чтобы не давать Ребекке поводов, и, вытащив стул, села за кухонный стол напротив нее. Генерал Ли вошел на кухню, затем быстро подошел к столу и обосновался у ног Ребекки. Он даже наклонил голову, чтобы ей было легче почесать его за ушами. Одарив пса укоризненным взглядом, я снова повернулась к Ребекке:

– Итак, вы с Джеком встречались до того, как он познакомился с Эмили.

Ребекка слащаво улыбнулась.

– Да. А потом, после того как Эмили... ушла, мы потеряли связь. Предполагаю, что жизнь известного писателя не оставляет ему ни одной свободной минуты.

Джек положил в фильтр ложку кофе.

– О, это и другие вещи.

Он покосился на меня, и у меня в пальцах ног возникла неприятная щекотка.

– Это подводит меня к пониманию того, почему мы здесь. – Он включил кофеварку и сел к нам за стол. – Я думаю, что Ребекка может нам помочь.

– Помочь нам? – переспросила я. – В чем?

Я пристально посмотрела на Джека, игнорируя Ребекку.

Краем глаза я заметила, как она взяла Генерала Ли на колени, и что бы вы думали? Этот маленький четвероногий предатель лизнул ее в щеку!

– Очистить от призраков дом вашей матери, – сказала Ребекка.

Я всплеснула руками:

– Отлично, Джек. Осталось только растробить на весь мир, что мы с матерью участвуем в шоу уродов! Знаете, у меня имеется деловая репутация.

Ребекка коснулась моей руки:

– Он доверился мне как другу, а не как репортеру, хотя я думаю, что мои связи также могут помочь.

– Спасибо, но нам не нужна помощь. Мы с Джеком уже добились в этом деле определенных успехов, а с помощью моей матери, думаю, мы решим эту проблему очень быстро. – Я отодвинулась от нее. Если честно, мне было не по себе, и не только из-за ее близости, но также из-за того, что она была в курсе моих экстрасенсорных способностей.

Они отнюдь не были предметом моей гордости. Скорее – генетической причудой, вроде чьих-то вьющихся волос или оттопыренных ушей. Снискать славу женщины, которая видит мертвецов, было в лучшем случае чем-то унижительным.

Джек подался вперед, его взгляд был серьезен:

– Ты и вправду так думаешь, Мелли? Весь наш прошлый опыт свидетельствует о том, что сейчас мы имеем дело с совершенно другой игрой. Похоже, что оно – как бы мы его ни называли – обитает здесь уже давно, подкарауливая тебя.

Я сглотнула комок.

– Может быть. Но, как сказала моя мать, наших совместных усилий должно хватить для борьбы с ним.

Джек продолжал сверлить меня взглядом.

– Мелли, вы обе когда-то жили в доме с вашей бабушкой, и вам троим их не хватило. И это меня беспокоит. Не говоря уже о том, – он прищурился, – что твоя мать явно чего-то недоговаривает.

Та же самая мысль крепко засела в моей голове, словно муха, жужжа мне на ухо, но я упорно продолжала ее отгонять, отказываясь верить, что за этой историей кроется нечто большее. Что бы там ни думали другие, лично на меня потусторонние вещи наводили страх. Нет, конечно, я боялась не всех духов, а лишь тех, что звонили мне по телефону с угрозами и нападали на меня. То, что я видела их или общалась с ними, не делало их моими друзьями. Именно поэтому мне очень хотелось верить, что мы с матерью сможем очистить от них дом, так что особых поводов для беспокойства нет.

– Я не думаю... – начала я.

– Я уже сказала Джеку, – перебила меня Ребекка, – что все, что я в конечном итоге напишу о вашей матери, сначала получит ее одобрение. Я отдаю себе отчет в том, что ее экстрасенсорные способности, равно как и ваши, – это конфиденциальная информация, и я не предаю ваше доверие. Просто это одна из тех возможностей, которые могли бы помочь мне сделать карьеру. – Она с надеждой посмотрела на меня, и я в очередной раз поразилась тому, сколь знакомым было ее лицо – и не только из-за сходства с Эмили.

– У Ребекки тоже есть дар, – добавил Джек. По лицу Ребекки было видно, что она предположила бы, чтобы Джек этого не говорил. Но когда Джек посмотрел на меня, я поняла: он отлично

знает, что она чувствует, но хочет, чтобы я все равно это поняла. – Правда, не такой сильный, как у тебя, – добавил он. – Она не видит мертвых, зато жутко точна в своих пророчествах.

Я молча посмотрела на Ребекку. Интересно: знала ли она о болезни Эмили и ее последующей смерти, но предпочла скрыть это от Джека? Мне также не давал покоя вопрос, чем вызвано ее повторное появление в жизни Джека – их прошлым взаимным романтическим увлечением или интересом Ребекки к моей семье?

Пальцы Ребекки веером лежали на деревянной столешнице – бледная кожа, ногти покрыты блестящим розовым лаком. Они тоже показались мне знакомыми.

– Это наша семейная черта. У моей матери, тети и бабушки тоже есть этот дар.

– Ребекка уже занялась исследованием, выясняя имена членов семьи и близких друзей, чтобы определить, кому может принадлежать найденное на судне тело. Ее источники были бы весьма полезны для вас.

Я откинулась на спинку стула, пристально глядя на Джека и пытаюсь понять, почему он так хочет, чтобы Ребекка нам помогла. Неужели это как-то связано с ее поразительным сходством с женщиной, которую он любил и потерял?

– И что вы уже узнали?

Ребекка самодовольно улыбнулась.

– Когда после ста тридцати шести лет под водой спасатели подняли подводную лодку «Ханли», там все еще были скелеты и жизнеспособная ДНК. С ее помощью удалось найти потомков членов экипажа. В данном случае можно будет, по крайней мере, определить, принадлежат ли найденные на судне останки вашему родственнику.

Ребекка вопросительно подняла бровь. Я едва не велела ей прекратить это делать, но вовремя поняла, насколько неуместно это было бы с моей стороны.

– Разница лишь в том, – продолжила она, – что тела членов команды «Ханли» занесло илом, что способствовало их сохранности. Думаю, что, помимо зубов и волос, исследователи также нашли остатки мозговых тканей. Тело в сундуке сохранилось не так хорошо. После всех этих лет, что останки пролежали в теплой соленой воде, исследователям крупно повезет, если они найдут достаточное количество костей, чтобы собрать их воедино и определить пол и возраст. Имени жертвы это не даст, но информация, безусловно, позволит сузить список. И вот тут появляюсь я. – Ребекка умолкла, как будто ждала мою реакцию – дам ли я ей договорить или с ходу отмету абсурдное заявление, что она способна мне помочь. Даже Генерал Ли прекратил вылизывать себя и пристально посмотрел на меня, желая увидеть, что я буду делать.

– По крайней мере, – продолжила Ребекка, – я могу сузить список, выяснив годы жизни и связь с семьей Приоло. Я так основательно изучила вашу семью, что, вероятно, уже располагаю нужной информацией. – Она улыбнулась Джеку. Меня же так и подмывало сказать ей, чтобы она прекратила это делать. – Я поделюсь всем, что найду, с Джеком, чтобы он мог использовать это в своей следующей книге. Никогда не знаешь, – она многозначительно посмотрела на меня, – о чем он решит написать дальше. И если эта загадка окажется интригующей, думаю, из нее выйдет отличное продолжение истории Вандерхорста, над которой он сейчас работает.

– Неужели? – спросила я. Настала моя очередь скептически поднять бровь. – Вы двое уже говорили об этом?

– Не совсем, – сказал Джек.

– Да, – одновременно с ним сказала Ребекка.

Джек встал и начал наливать в наши кружки кофе. Я обратила внимание, что он добавил в кружку Ребекки сахар и сливки, даже не спросив ее. – Я лишь хотел сказать, что Ребекка упомянула об этом, и я непременно это учту. – Он принес три кружки к столу и поставил их перед нами. – Но я никогда бы не написал ни единого слова без твоего разрешения.

Я промолчала и даже подула на мой горячий кофе, чтобы нарочно протянуть время. Если честно, я была не в восторге от идеи работать с чужим человеком. С другой стороны, ее участие

могло бы существенно ускорить процесс. А значит, моя мать могла бы быстрее переехать в свой дом, без моего длительного присутствия в ее жизни, и мне не нужно было бы входить в мой дом с дрожью в коленях, не зная, что меня ждет, да и Джек пробыл бы дольше рядом со мной. Не скажу, чтобы он интересовал меня как мужчина. Просто он знал толк в расстановке мебели и мог прямо повесить картину.

Сделав глоток, я позволила вкусовым рецепторам получить удовольствие.

– В принципе, можно попробовать, – сказала я. – Посмотрим, что из этого выйдет. – Я сделала еще один глоток. – Но последнее...

Ребекка пристально наблюдала за мной.

– Если вам понадобится упомянуть о прошлой склонности моей матери гадать на вечеринках, назовите это интуицией. Мол, моя мать наделена неким «внутренним чутьем».

– Хорошо. Я могу это сделать, – сказала она после короткой паузы и, допив свой кофе, подождала, пока Джек выдвинет ее стул. Словно ребенка, прижимая к себе Генерала Ли, она встала и осторожно поставила его на пол. Вместо того чтобы подбежать ко мне, пес сел у ее ног. Мне показалось, что я прочла в собачьих глазах вызов. Я тоже встала – без посторонней помощи – и выразительно посмотрела на Джека. Но тот, похоже, был занят исключительно Ребеккой.

– Мне пора. Спасибо за кофе, – сказала она мне и повернулась к Джеку: – И спасибо за прошлый вечер. Я отлично провела время. Я позвоню тебе позже. – Она поцеловала его в щеку. Мне показалось, что поцелуй этот длился чуть дольше, чем нужно. Себя же я поймала за пристальным разглядыванием столешницы.

После того как Джек помог ей надеть пальто, она на миг остановилась в задумчивости.

– Вы уже были на чердаке в доме вашей матери?

Я отрицательно покачала головой:

– Это еще не ее дом. Мы пока только готовим документы. А в чем дело?

– Думаю, вам это не помешает. Предполагаю, что там полно старых вещей семьи Приоло, и наверняка найдется нечто, что вы должны увидеть. Например, портрет.

– И вам это известно... но откуда?

Джек оперся о стол:

– Ей снятся сны. Иногда полная бессмыслица, но иногда нет.

Ребекка кивнула:

– Верно. И я во сне видела на чердаке... нечто, не то картину, не то фотографию, и мне показалось, что она будет для вас что-то значить.

Я с сомнением посмотрела на нее.

– Нам предстоит несколько осмотров дома. Я позабочусь о том, чтобы к чердаку был доступ, и пойду, посмотрю.

– Отлично, – сказала она и посмотрела на Джека. – Боюсь, я заблужусь в этом огромном старом доме. Вы не могли бы вывести меня?

– С удовольствием, – сказали мы с Джеком в унисон и повели Ребекку к входной двери. Я невольно улыбнулась.

Мы уже дошли до парадного крыльца, как вдруг я поняла, что у меня к ней есть еще один вопрос.

– Эта картина... или что там еще на чердаке. Что заставило вас подумать, что мне было бы интересно ее увидеть?

Она слегка прищурилась, глядя на меня. Ее голова при этом была слегка повернута вправо, как когда-то делала Эмили. Интересно, кто из них кому подражал?

– Потому что женщина на портрете – копия вы.

Что-то холодное коснулось моей шеи. Я повернула голову, чтобы посмотреть на Джека. Но он не сводил глаз с Ребекки, как будто тоже увидел призрака.

– До свидания еще раз, – сказала она. Впрочем, она явно не спешила уйти, как будто ожидая, что Джек пойдет вместе с ней. Я подобрала Генерала Ли, чтобы он тоже не увязался за ней.

– До свидания, – попрощалась я и захлопнула дверь, прежде чем она смогла сказать что-то еще.

Глава 7

Я, закрыв глаза, стояла в свете витражного окна в доме на Легар-стрит, видя внутренним взором лишь прекрасное окно и вспоминая, как выглядела комната, когда здесь жила моя бабушка. Я долго стояла в тишине дома, не решаясь открыть глаза, так как знала: стоит это сделать, как на меня обрушится лавина безвкусных принтов под зебру, психоделических оттенков и пластмассовой мебели.

Просто удивительно, как быстро владельцы приняли предложение моей матери. Перед подписанием сделки мы попросили разрешение осмотреть чердак, чтобы определить, есть ли там какие-либо семейные реликвии, которые мы хотели бы сохранить в доме. Когда владелец сказал, что это все рухлядь, мы несказанно обрадовались. Я не сомневалась, что мы найдем там целый склад антикварной мебели и бесценных произведений искусства. Именно поэтому я сейчас стояла в доме одна в ожидании матери и не решалась покидать пределы парадных комнат. Сначала я хотела подождать ее на улице, но температура резко упала, а я не горела желанием превратиться в ледышку. Мерзнуть я не любила даже больше, чем не любила зловредных призраков.

Из вестибюля донесся звук шагов. Я тотчас открыла глаза. Поступь была тяжелой, похожей на топот сапог. Я замерла в ожидании. И тотчас была вознаграждена стуком второй обуви в сапог ноги по ступеням лестницы. Я резко повернулась и быстро направилась в вестибюль, чтобы взглянуть на широкую лестницу. Я поняла, кто это, еще до того, как его увидела, – это был призрак моего детства, мой воображаемый друг и главный защитник. Помнится, отец сказал мне, что это лишь плод моего воображения, и в какой-то момент я даже поверила ему. Но в крошечном уголке моего сознания, где детские надежды липли, как сладкая вата, я знала, что он настоящий.

– Привет! – сказала я облаку пылинок, танцевавших, подобно искрящимся феям, в трюгельнике света, что лился из окна над дверью. Я скорее ощутила его присутствие, нежели различила смутный силуэт высокого мужчины, прислонившегося к перилам из красного дерева. Я смотрела на него краем глаза, но никогда – прямо. Еще будучи ребенком, я уяснила для себя: если посмотреть прямо, то он уйдет, оставив за собой лишь слабый запах пороха и назойливую мысль о том, что, возможно, мой отец все-таки прав.

– Сколько лет, сколько зим, – сказала я и кожей ощутила его улыбку. Металл звякнул о металл. Я тотчас представила, как его длинный мушкет коснулся больших медных пуговиц его темно-зеленого мундира. Я смутно различила треуголку, большие красные манжеты на его рукавах и черные кожаные гетры с блестящими пуговицами по бокам. Он вернулся, мой защитник. А может, он никуда не уходил. А еще мне подумалось, что он наверняка устал более двухсот лет носить свой мушкет.

Протянув ко мне руку, он начал спускаться по лестнице. Я слегка наклонила голову, пытаюсь лучше его разглядеть, и замерла, чувствуя, как горят мои щеки. Хотя он не изменился за прошедшие годы, очевидно, изменилась я. Когда-то это был невидимый товарищ игр семилетнего ребенка. Теперь же моему взору предстал молодой и очень красивый солдат.

Я не сомневалась, что он наверняка всегда был красив, но теперь, увидев его глазами тридцатидевятилетней женщины, я отметила его рост и светлые локоны, что выбивались из-под шляпы. Его глаза казались почти черными, но я могла поклясться, что в них плясали озорные искорки. А еще в них была печаль – печаль, которой я не замечала, будучи ребенком, но, казалось, теперь была такой же неотъемлемой его частью, как и солдатская форма.

Он дошел до нижней ступеньки, и я почувствовала, как его рука коснулась моей руки. Но мне не было страшно. Рядом с ним я никогда не ведала страха. Все еще чувствуя на щеках жар, я подняла руку, но, услышав, как захлопнулась сначала одна автомобильная дверца, а

затем другая, замерла на месте. Застигнутая врасплох, я повернула голову и посмотрела на него прямо. И тотчас осознала свою ошибку, увидев, как он исчезает, словно дымок от потухшей свечи.

Затем раздался звук быстрых шагов по дорожке, а в следующий миг распахнулась входная дверь. Положив руку в перчатке на дверную ручку, в дверном проеме стояла моя мать. Щеки ее были розовыми, глаза – ярко-зелеными. Их взгляд остановился на мне, и она нахмурилась.

– Почему этот человек здесь? Ты сказала, что он будет работать в саду и мне не придется с ним общаться. И почему?.. – Она умолкла. Ее взгляд переместился за мою спину, туда, где только что был солдат. В ее широко открытых глазах читалось изумление.

Я обернулась и оторопела. Мой солдат стоял там – во плоти и крови. Его образ был настолько ясным и четким, что я могла разглядеть щетину на его подбородке и его густые ресницы. Похоже, он тоже был удивлен. Его растерянный взгляд остановился сначала на мне, а затем переместился на мою мать. Я была готова поклясться, что эти двое узнали друг друга. Солдат медленно поставил вперед одну ногу, снял с головы треуголку и, прежде чем полностью исчезнуть, отвесил ей поклон.

Впрочем, любые вопросы мгновенно застыли на моих губах, когда в дверном проеме, раздраженно нахмутив брови, вырос мой отец.

– И тебе доброе утро, Джинетт. Мы можем, по крайней мере, быть вежливыми друг с другом, не так ли? Или ты на своей сцене вознеслась так высоко, что считаешь ниже своего достоинства разговаривать с отцом твоего единственного ребенка?

– Мелли. – Мать попыталась закрыть за собой дверь, но отец шагнул вперед, не давая ей закрыться. – Будь добра, объясни своему отцу, что он должен работать в саду и что мне нечего ему сказать?

Все еще ошеломленная встречей с солдатом и мучимая вопросами, почему он выбрал именно этот момент, чтобы заявить о своем присутствии, я не сразу поняла, о чем говорят мои родители.

Не дожидаясь моего ответа, Джинетт повернулась к моему отцу:

– Думаю, что мы сказали все, что нужно было сказать, тридцать три года назад, и у меня нет ни малейшего желания возвращаться к одному из самых трудных периодов в моей жизни. Итак, – она скрестила на груди руки и капризно постучала по полу ногой, – почему бы тебе не вырыть яму в саду или что-то еще, а мы с Мелли займемся тем, ради чего пришли сюда?

К моему удивлению, отец улыбнулся своей коронной улыбкой, которую я помнила с детства – до того, как наша жизнь дала трещину, – улыбкой, в которой участвовали не только губы, но и глаза и которая всегда предназначалась исключительно для моей матери. После того как она ушла, улыбка эта ушла вместе с ней. Я представила, как она хранится на чердаке, упакованная в коробки вместе с другими остатками их брака, к которым он больше не имел желания возвращаться.

– Знаешь, ты сейчас даже красивее, чем раньше, Джинни.

Застигнутая врасплох, мать попыталась сдержать раздражение.

– Никто меня так больше не называет, – наконец заявила она. – Я предпочитаю Джинетт. Он просто стоял там, улыбаясь.

– Но для меня ты по-прежнему Джинни Приоло, которая вскружила мне голову и украла мое сердце. Я слишком стар, чтобы думать о тебе иначе, кроме как о моей прекрасной Джинни.

Я старалась не улыбаться, вспомнив подобный разговор, который был у меня с Джеком, когда я пыталась убедить не называть меня кратким именем, которое дала мне моя мать. Я почти не сомневалась, что моей матери повезет не больше, чем мне с Джеком.

Ее подбородок дрогнул, а щеки покраснели еще больше. Неужели она способна краснеть?

– Не льсти мне, Джеймс. Я всего на два месяца моложе тебя, и мы оба прекрасно знаем, сколько мне лет.

Несмотря на ее слова, она все же продолжала смотреть на моего отца сквозь густые ресницы. При виде этого меня чуть не вырвало.

– Послушайте, вы двое. Думаю, я слышала достаточно. – Встав между ними, я выразительно посмотрела на отца, чтобы показать, что я не одобряю его разговоров с врагом. – Пап, может, ты все же выйдешь на улицу, осмотришься по сторонам и запишешь в блокнот свои идеи и примерные затраты на воплощение в жизнь предложенных тобой изменений.

Взяв отца за локоть, я повела его к двери.

– Пап, я позвоню тебе позже, и мы всё обсудим.

Я открыла дверь, и он вышел.

– Спасибо, папа. Поговорим позже.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я так и не услышала, что именно, потому что я уже захлопнула дверь. Когда я обернулась, к матери уже вернулось самообладание.

Сняв пальто, она бросила его на одно из кресел-трансформеров, но перчатки оставила на руках.

– Пойдем на чердак, – сказала я, направляясь к лестнице. – Следуй за мной.

Она не спросила, почему мы пошли в обход, ведь куда быстрее было подняться по лестнице черного хода. Ей не нужно было это спрашивать.

Поднявшись по лестнице на третий этаж, мы обошли холл, который огибал лестничный колодец, пока не вышли к двери, что вела на чердак. Однажды я уже была там с моей бабушкой. Чердак запомнился мне как место, где семья с чрезмерной склонностью к бережливости хранила ненужные, давно вышедшие из употребления вещи. Что-то вроде пастбища для старых кляч, только менее живописное.

Бабушка заглянула туда всего на полминуты, чтобы схватить напольный вентилятор для моей спальни, и тотчас вывела меня вон, прежде чем я успела снять хотя бы один пылезащитный чехол. Впрочем, я успела услышать какофонию голосов, которая, казалось, всегда сопровождала старые вещи. Схватив вентилятор, она вывела меня прежде, чем любой из голосов узнал меня и окликнул по имени.

Взявшись за дверную ручку, я постояла пару мгновений, думая о предстоящей задаче. Я постаралась направить все свои мысли внутрь себя, чтобы заблокировать все, чего мне не хотелось видеть или слышать. Мне не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что моя мать делала то же самое. Медленно повернув ручку, я начала подниматься по мансардной лестнице. Мать шла позади меня, ее рука в перчатке скользила вверх по перилам.

Бледно-серый свет, проникавший сквозь овальное окно на фасаде дома, мягко освещал призраки покрытой чехлами мебели и кучи разных вещей. Схватив нечто похожее на ножку стула, я расправилась с паутиной, которой были затянуты все углы. Впрочем, древние клочья паутины лежали и на дорожках, которые кто-то когда-то проложил, передвигая мебель.

Вынув из сумочки предусмотрительно положенный в нее фонарик, я включила его, чтобы осветить в самые темные закоулки чердака.

– Нынешние владельцы не намерены брать с собой ничего из этого, так что, если тебе что-то нужно, ты так и скажи. В противном случае они просто наймут кого-нибудь, чтобы отвезти все это на свалку.

Крепко сжав перед собой руки, мать кивнула. Когда я была маленькой, я как-то раз спросила у нее, почему она все время носит перчатки, на что она ответила, что это потому, что у нее всегда мерзнут руки. Повзрослев, я однажды дотронулась до шляпы в магазине винтажной одежды и увидела, как у меня перед глазами промелькнула чья-то жизнь. И тогда до меня дошло. Хотя со мной это случалось довольно редко, я сделала вывод, что с матерью это бывало

довольно часто, раз она была вынуждена постоянно прикрывать руки. Мой отец этого терпеть не мог. Я хорошо помнила, как он не раз прятал ее перчатки.

Мы обе медленно огляделись по сторонам, рассматривая высвеченные лучом фонарика вещи. Здесь высились груды всевозможного хлама, какой обычно можно увидеть на гаражных распродажах, но было также немало мебели и прочих мелких вещей, вроде латунных каминных щипцов и утюгов, а также стопка картин у дальней стены под окном.

Я остановилась возле колыбели – совершенно целой, но с изъеденным молью детским одеяльцем внутри. Для человека сентиментального, питающего интерес к семейной истории и прошлому, такая вещь, вероятно, была бы ценна сама по себе, если не в финансовом отношении.

Я отвернулась и прошла мимо, радуясь тому, что я не принадлежу к числу тех заблудших душ, для которых воспоминания о давно умерших людях занимают первые строчки в списке приоритетов. Эти чокнутые тратили на приобретение старых домов невероятные суммы, а потом еще столько же на их восстановление. Я не могла точно сказать, во что из всего этого я по-прежнему верю, но это не имело значения. Свой дом я унаследовала, а значит, мое собственное презрение меня не касалось.

Видя, как смягчилось лицо матери, пока она осматривала осязаемые свидетельства истории ее семьи, я поспешила отвести взгляд, усомнившись в ее искренности. В конце концов, я была ее дочерью, но, видимо, не столь ценной для нее, чтобы в свое время она осталась со мной.

– Я хотела бы сохранить это все. Скажи владельцам, чтобы они ничего не трогали, я сама разберусь с этим позже.

Я кивнула и отвернулась, не в силах взглянуть на нее.

– Что это там? – Мать указала на большую прямоугольную раму возле стены рядом с деревянной вешалкой для шляп, где на одном из рожков болталась старая «федора», правда, уже без полей.

Я осветила фонариком туда, куда она указала, но увидела лишь обратную сторону позолоченной рамы. Подойдя к ней, я вспомнила слова Ребекки о том, что на чердаке есть какой-то портрет, который мне непременно нужно увидеть. Внезапно мне стало зябко. Я застыла на месте, и мне показалось, что я слышу, как кто-то шепчет мое имя.

– Ты что-то сказала?

Моя мать встретилась со мной взглядом и едва заметно покачала головой.

– Сосредоточься, – сказала она, когда мы с ней вдвоем подошли к раме.

– Подержи, – сказала я, протягивая ей фонарик. Затем потянулась вниз, положила руки по обе стороны рамы, приподняла ее и, развернув, снова прислонила к стене. – Посвети мне.

Круг света танцевал на темной масляной краске, как будто живой. Я прищурилась и шагнула ближе, чтобы лучше рассмотреть. Меня словно магнитом тянуло увидеть то, чего я на самом деле не хотела видеть.

– О господи! – воскликнула мать сдавленным голосом. Я даже сразу не узнала этот голос.

– Что такое? – Я стояла слишком близко, чтобы разглядеть что-то в луче фонарика. Я отступила назад. Моя нога задела груды старых телефонных справочников и опрокинула ее, но я даже не обратила на это внимания. Мой взгляд был прикован к холсту у стены.

Это был портрет двух девочек, лет девяти и десяти.

На них были типичные платья конца девятнадцатого века – с высоким горлом и прямой юбкой – и черные кожаные ботиночки. У обеих были длинные каштановые волосы, перевязанные атласными бантами, и такие же челки, оттенявшие широко открытые карие глаза. Одна была чуть повыше другой, что заставило меня подумать, что это сестры с очень небольшой разницей в возрасте. Лишь присмотревшись к их лицам, я смогла различить отличия – высоту бровей, угол скул, форму подбородка.

Но больше всего различались свет в их глазах и ауры их личностей, запечатленные кистью художника. У более высокой девочки на губах играла легкая улыбка, как бы намекая на сдержанный смех по поводу только что прозвучавшей шутки. Ее глаза были бесхитростны и смотрели прямо перед собой, как будто ей нечего было скрывать.

Вторая девочка тоже улыбалась, но не от радости. Это было больше похоже на улыбку человека, который сделал некую пакость, и это сошло ему с рук. Ее взгляд горел неким давним секретом, и я не была уверена, что хочу его знать.

Но еще больше, чем сходство девочек друг с другом, поражало их сходство со мной.

– Кто это? – спросила я мать, не сводя глаз с портрета.

– Понятия не имею. Я никогда не видела эту картину раньше. Должно быть, она всегда была на чердаке, потому что, насколько мне известно, она никогда не висела внизу. Это просто... – Кончики ее пальцев коснулись ее губ.

– Знаю. Они похожи на меня. И на тебя. Посмотри на линию волос той, что повыше; у нее такой же вдовый пик, как и у тебя. Выходит, они наши предки, верно?

Она кивнула.

– Но только не твоя бабушка – та родилась в тысяча девятисотом году. Может быть, ее мать. И я почти уверена, что моя бабушка была единственным ребенком.

Я опустила перед портретом на колени, чтобы разглядеть его лучше. Прищурившись и ругая себя за тщеславие, не позволившее мне положить в сумочку очки, я пристально посмотрела на двух девочек и на этот раз заметила нечто новое: в кружевах блузки более высокой девочки поблескивал какой-то предмет. Вытянув шею, я увидела маленький золотой медальон в форме сердечка. Шагнув еще ближе – так, что мой нос оказался почти прижат к холсту, – я разглядела букву М, выгравированную на золоте.

Поняв, на что я смотрю, мать поднесла фонарик к той девочке, что пониже ростом.

– На ней тоже есть медальон. – С упреком во взгляде она протянула мне фонарик, открыла сумочку, вытащила пару стильных очков для чтения и, надев их, слегка наклонилась вперед. – На этом есть буква R. – Она отступила назад и нахмурилась. – Как странно! – сказала она. – Мою бабушку звали Роуз, но я уверена, что у нее не было сестры или даже брата, если на то пошло. Я бы сказала, что эти девочки вообще не родственницы, если бы не их странное сходство с тобой.

– Странное – это мягко сказано, – отозвалась я, пристально глядя на портрет. Мой взгляд переместился с девочек на фон позади них, и я вновь испытала странное ощущение, будто я должна знать, что передо мной, но я понятия не имела. Они стояли в тени огромного дуба, росшего на невысоком холме, за их спинами блестел большой водоем, а в углу портрета виднелся участок песчаного пляжа.

На дальнем фоне посреди ряда дубов высился белый особняк.

– Ты узнаешь дом? – спросила я, поворачиваясь к матери.

Ее лицо побледнело. В тусклом свете чердака она внезапно показалась мне такой же серой и прозрачной, как фотонегатив.

– Нет. Но океан...

Она осеклась и не добавила ни слова. Впрочем, в этом не было необходимости. Я тоже вспомнила затонувший корабль, на борту которого были найдены человеческие останки. И дорожку соли на кухне.

– Я знаю. Я подумала то же самое. Но что странно, так это...

Я почувствовала на себе пристальный взгляд матери.

– Вчера знакомая Джека, Ребекка Эджертон, – продолжила я, – сказала мне, что ей приснился этот чердак, и если я посмотрю, что там есть, то найду портрет или фотографию кого-то, кто похож на меня.

– Правда? – Мать выгнула соболиную бровь. – Значит, эта репортерша знакома с Джеком. Как интересно. Она постоянно оставляет мне сообщения. – Джинетт слегка прищурилась. – Она ему просто... знакомая?

Я нахмурилась. Странно, почему ее больше волнуют отношения между Джеком и Ребеккой, нежели ее психические способности. Конечно, для нас признать чьи-то экстрасенсорные способности было бы сродни волнению по поводу покупки кем-то новой зубной щетки.

– Старые друзья. Они встречались до того, как Ребекка познакомила Джека со своей подругой Эмили. Странно другое: то, как сильно Ребекка и Эмили похожи друг на друга. У меня такое чувство, что, возможно, Джек привязан к ней именно по этой причине.

– Ах, да! Эмили, невеста. Бедная девушка. Амелия рассказала мне, как Эмили бросила Джека перед самой свадьбой, не сказав ему, что она больна. – Мать покачала головой. – Джек узнал правду позже, лишь после того, как она умерла. Что трагичнее всего. – Мать пристально посмотрела на меня. – Неудивительно, что его тянет к Ребекке. – Она похлопала меня по руке. – Но не переживай, Мелли. Я уверена: то, что он ищет в Ребекке, больше похоже на желание забыть Эмили, нежели на серьезные отношения. У него не было возможности попрощаться с ней, и Ребекка теперь дает ему такой шанс. Как своего рода суррогат.

Я отстранилась:

– Лично мне все равно, мама. Знай ты меня лучше, ты бы поняла, что мы с Джеком совершенно не подходим друг другу. Нас не связывают никакие отношения, даже если ты хотела бы их так назвать. Вернее, они чисто деловые. И как только он закончит свою книгу и ему больше не придется бывать в моем доме, я сомневаюсь, что когда-нибудь увижу его снова.

Игнорируя сомнение в ее взгляде, я схватила раму обеими руками.

– Будь добра, открой мне дверь, хочу спустить это вниз, чтобы осмотреть в лучшем свете. Кстати, Джеку тоже было бы полезно взглянуть. Вдруг он узнает, где это.

Улыбнувшись самой себе, мать обвела прощальным взглядом чердак и направилась к двери.

– Разве Джек не живет с тобой? – спросила она, когда я проходила мимо нее с картиной. – Ты могла бы забрать ее себе домой.

Устав держать картину, я поставила ее на пол.

– Во-первых, он не живет со мной. Он временно проживает под одной крышей со мной в гостевой комнате, потому что у него ложное впечатление, будто я нуждаюсь в его защите. Во-вторых, эта картина еще не принадлежит тебе, и унести ее из дома – значит совершить кражу.

– Пожалуй, ты права, – сказала мать, закрыв дверь чердака, и зашагала за мной по коридору. – Но что, если нынешние владельцы увидят картину и захотят оставить ее себе?

Мы обе как по команде оглянулись на мохнатый оранжевый ковер и виниловые вертушки, подвешенные к потолочным светильникам в коридоре.

– Не захотят, – сказали мы одновременно и направилась к парадной лестнице.

Мы были уже на полпути, когда я вспомнила одну вещь, о которой хотела ее спросить. Я остановилась и, поставив картину на ступеньку позади себя, повернулась к ней.

– Раньше, когда ты приходила сюда, ты тоже видела солдата?

Мне было видно, что она колеблется. Как будто перед ее глазами что-то промелькнуло, словно порхнувший через комнату призрак.

– Да, – призналась она и продолжила спускаться вниз. Она шла передо мной, ко мне спиной, чтобы я не могла видеть ее лицо или прочесть ее взгляд, и я знала, что она сделала это нарочно. – Я видела его.

Я последовала за ней в фойе, где прислонила картину к столу.

– Я помню его с тех времен, когда здесь жила бабушка.

– Знаю. – Она засуетилась, надевая пальто и застегивая его затянутыми в перчатки пальцами. – Он был здесь и в моем детстве тоже.

Я в изумлении посмотрела на нее.

– Ты никогда не говорила мне.

Внезапно я разозлилась, осознав, как мало мы знаем друг о друге. А все потому, что в свое время она предпочла свободу.

– Верно. Не говорила, – тихо сказала мать. Она подняла было руку, чтобы коснуться моей руки, но тотчас убрала, зная, что я вновь отстранюсь. – Есть немало вещей, о которых я никогда не рассказывала тебе, и я об этом жалею. Но, возможно... – Она робко улыбнулась мне. – Возможно, теперь, когда я вернулась, у нас будет шанс поговорить о них. Чтобы лучше узнать друг друга.

У меня зазвонил телефон, и я так и не сказала ей, что она давным-давно упустила шанс снова стать частью моей жизни. Просто опоздала. Почувствовав, как на глаза мне навернулась слезы, я поспешила повернуться к ней спиной, чтобы ответить на звонок. Я не хотела, чтобы она видела, как я плачу.

– Я должна ответить, – сказала я, открывая мой телефон.

Она подождала и, когда я не обернулась, сказала:

– Я пойду. Сообщи мне подробности сделки.

Я кивнула и подождала, пока за моей спиной захлопнется дверь. И тотчас с опозданием поняла, что я так и не спросила у матери, почему солдат впервые явился мне во плоти и крови и почему я подумала, что это как-то связано с ее возвращением в Чарльстон.

Даже не посмотрев, кто мне звонил, я закрыла телефон. Мой взгляд вновь скользнул по портрету. С холста на меня смотрели две пары карих глаз, столь удивительно похожих друг на друга и на мои собственные. Но теперь, в более ярком свете, стали заметны и тонкие различия их оттенков. Я шагнула ближе и тотчас застыла в изумлении, поняв, что разрез глаз высокой девочки являет собой почти зеркальное отражение моего собственного.

В уголках старого дома возник слабый звук. Он пронесся сквозь штукатурку и деревянные балки – едва слышный плач, переросший затем в беспомощные детские крики. Я слышала их и раньше, еще девочкой, но до разговора с Ребеккой происхождение этого плача было для меня такой же загадкой, как и мой солдат.

Сглотнув комок, я шагнула к двери и, вспомнив еще одну вещь, которую я не знала о моей матери, вышла на улицу.

Глава 8

Завершив сделку по продаже дома на Легар-стрит, я вернулась домой совершенно обесиленной. Оформление документов не заняло много времени – я гордилась тем, что у меня все бумаги в идеальном порядке, исключая какие-либо накладки, – но атмосфера в комнате была малоприятной и жутко нервировала. Все за столом – разумеется, кроме меня, – похоже, считали, что если дочь выступает в роли риелтора собственной матери, то это очень мило и указывает на тесную связь. Улыбаться в течение часа сквозь стиснутые зубы оказалось куда более изматывающим делом, нежели пробежать марафон.

Не имея сил донести вещи до комнаты, я оставила их в вестибюле, а сама сбросила туфли. Те разлетелись по мраморным плиткам пола.

– Привет! – позвала я, услышав в другой части дома голоса.

– Мелани! Мы здесь.

Услышав голос Чэда Араси, я улыбнулась и проследовала в столовую. Чэд был мужской ипостасью богемной персоны Софи, вплоть до косички, которую он носил на затылке, и экологически чистого велосипеда, на котором он, будучи преподавателем музыки в колледже Чарльстона, ездил на работу и обратно. Он то и дело сыпал словечками вроде «чувак» и «круто» и, похоже, не возражал против странных нарядов Софи. Кстати, это была одна из главных причин, почему я пыталась свести их вместе с того самого дня, когда Чэд переехал в Чарльстон из Калифорнии и нанял меня в качестве своего риелтора.

Теперь он жил с Софи, разумеется, платонически, ибо, согласно Софи, их знаки зодиака были несовместимы для романтических отношений. Во всяком случае, так она заявила. Я же была почти уверена, что это в большей мере связано с ее независимым характером – и ее нежеланием рассматривать романтические отношения иначе, нежели как борьбу за власть. Взглянув на Софи и Чэда – оба в своих коронных «биркенстоках», они увлеченно обсуждали достоинства федерального и георгианского стилей, – я сделала мысленную заметку, что должна удвоить свои усилия.

Они стояли в большом дверном проеме между гостиной и столовой. Сами раздвижные двери, довольно перекошенные, были сняты и теперь лежали на двух отдельных верстаках, специально поставленных посреди пустой столовой.

– Привет! – сказал Чэд и, шагнув ко мне, поцеловал в обе щеки. – Мы тут спорили, в каком виде ты вернешься домой, не иначе как вся в крови и синяках. – Он притворился, будто осматривает меня на предмет травм. – И видя тебя целой, невольно задаемся вопросом: в порядке ли твоя мать?

Я вымучила улыбку:

– Очень смешно. Это было довольно... напряженно. Но теперь все позади. И надеюсь, что после того, как мы «очистим» ее дом, мне вообще не придется с нею видеться. – Притворившись, будто не заметила, как они выразительно переглянулись, я подошла туда, где на верстаках терпеливо лежали двери. – Как продвигаются дела?

Чэд покачал головой:

– Слишком рано говорить, если честно. Я пытаюсь найти подходящую древесину, чтобы сделать для обеих дверей клинья. Интересно посмотреть, что из этого выйдет. Возможно, придется также сделать накладку к нижней части. Нужно будет также поменять полозья и другие металлические детали, что тоже не дешево. – Он ослепительно улыбнулся. – Но мы с Софи уверены, что когда мы закончим, это будут не двери, а загляденье.

Я смотрела на несчастные двери.

– Не проще ли просто заделать проем и забыть, что они когда-то здесь были?

И Софи, и Чэд посмотрели на меня с одинаковым выражением ужаса. Я лишь чудом не расхохоталась.

– Ладно, ладно. Делайте, что считаете нужным. – Я вздохнула. Конечно, находка тайника с бриллиантами, безусловно, помогла изыскать финансы на реставрацию, но временами мне начинало казаться, что для завершения этой работы не хватит даже всего содержимого Форте Нокс. Я опасалась, что буду вынуждена заниматься продажей недвижимости до глубокой старости, чтобы содержать себя и этот дом. Иногда меня посещала странная мысль, что мне даже нравится восстанавливать дом. Правда, стоило мне получить от Софи очередной счет за материалы или труд орды рабочих, нанятых ею для выполнения различных работ, как меня начинали посещать сомнения, а мои мысли склонялись к зажженной спичке или иному ускорителю процесса.

Поймав себя на том, что, войдя, я не услышала собачьего лая, я огляделась по сторонам.

– А где Генерал Ли?

Софи пристально посмотрела мне в глаза:

– Джек и Ребекка взяли его на прогулку.

– Кто? – Не знаю даже, что удивило меня больше – то, что Ребекка выгуливала моего пса, или то, что Чэд и Софи, похоже, уже были с ней в приятельских отношениях.

– Потому что Софи сейчас здесь, малыш весь день просидел взаперти на кухне, – пояснил Чэд, – и они подумали, что прогулка будет ему полезна.

– Они? – переспросила я, отказываясь понять, как Джек и Ребекка могут гулять с моей собакой.

Чэд туго затыкнул свою косу.

– Сначала с ним пошел один Джек, но, когда он собрался выйти из дома, пришла Ребекка, и они пошли вместе.

Слегка смягчившись, я кивнула.

– Что еще нового? – нерешительно спросила я, боясь услышать ответ Софи. Ее ответы всегда обходились мне как минимум в тысячу долларов и столько же часов труда в поте лица.

И вновь эти двое переглянулись. Софи тотчас улыбнулась своей самой жизнерадостной улыбкой, чем напомнила мне медсестру, которая, прежде чем всадить вам в руку огромную иглу, просит немного потерпеть.

– Пора поговорить о переделке полов. Знаю, я уже говорила тебе, что это можно сделать постепенно, комната за комнатой, чтобы доставить тебе как можно меньше неудобств. Но, подумав и хорошенько это обсудив, мы с Чэдом пришли к выводу: это займет в два-три раза больше времени, так что лучше сделать их все сразу.

Я посмотрела на них обоих, готовая к тому, что в меня сейчас вопьется большая игла.

– Ладно. Уговорили. Просто дайте мне знать, когда, и я возьму пару дней отгулов, чтобы помочь.

Они снова переглянулись. Я невольно вздрогнула, поняв, что игла готова и вот-вот вопьется в меня.

Чэд счел своим долгом вмешаться:

– Это здорово, что ты готова помочь. Софи хочет, чтобы все было сделано вручную, поэтому чем больше будет задействовано людей, тем лучше. Но, боюсь, это займет больше чем пару дней.

– Например, три или четыре? – предположила я с надеждой в голосе.

– Не совсем. По нашим прикидкам, около месяца. Если не больше. Это большая работа. Придется вынести всю мебель, которая есть в доме, чтобы она не пострадала в процессе циклевки. Затем поверх этого надо будет наложить пару слоев морилки, а затем воск. Запах может быть довольно противным... – Чэд умолк. Впрочем, услышав слово «месяц», я прекратила его слушать.

– Вы хотите сказать, что мне нужно уехать из дома на целый месяц, а может, и больше. Оба как по команде синхронно кивнули, этакая пара болванчиков.

– Бинго! – воскликнули они в унисон. И, посмотрев друг на друга, добавили: – Ура! – и расхохотались.

Меня бы точно вырвало, если бы голос за моей спиной не произнес:

– Ты можешь пожить у меня.

Узнав голос Джека, я обернулась: передо мной стояли он и Ребекка с Генералом Ли на руках. От меня также не скрылось, что, увидев меня, пес даже не подумал вырваться от нее.

– Не смейся меня, Джек. Через неделю или около того я перееду в мой новый дом. А поскольку в некоторых ремонтных работах мне потребуется помощь Мелани, ей есть смысл просто переехать в свою старую комнату.

Я не сразу заметила мать. Должно быть, она вошла сразу вслед за Джеком и Ребеккой, и услышала его предложение.

– Я не... – начала я.

Софи даже подпрыгнула от восторга.

– Блестящая идея! Таким образом, ты всегда сможешь помочь мне и своей матери со всей... работой, какую необходимо выполнить в доме.

Думаю, пауза перед словом «работа» была сделана неслучайно, и я оценила осторожность Софи перед Ребеккой. Я нахмурилась. Сказанное ею имело смысл. Но я была отнюдь не в восторге от перспективы переехать в дом матери – и не только потому, что нам с ней придется жить под одной крышей.

– Но я не думаю, что я... – Мне снова не дали договорить. На этот раз это сделал Джек.

– Она права. Это имеет смысл. Ты будешь достаточно близко к дому, чтобы следить за ходом работ, а также всегда будешь на месте, чтобы помочь матери... с ее заботами.

В ужасе от их предложений я попыталась обрести голос и любые слова, способные переубедить эту толпу.

– Я не хочу навязываться матери. Меня вполне устроит отель. Честное слово.

Я тотчас почувствовала на себе укоризненный взгляд четырех пар глаз. Пяти, если считать Генерала Ли.

– Ты не навязываешься, Мелли. Ты будешь мне помогать. – Лицо матери приняло умоляющее, но не слишком жалкое выражение. – Как ты знаешь, я не так молода, как раньше. Перевезти все вещи из другого штата, плюс нервотрепка, связанная с ремонтом, – одной мне такое не по силам. И, – добавила она с ноткой ликования в голосе, – это дало бы нам время спланировать вечеринку в честь твоего сорокалетия.

Ребекки сделала большие глаза.

– Я понятия не имела, что вам уже столько лет. – Ее длинные ресницы затрепетали, щеки вспыхнули. – Извините. Я не это имела в виду. Я хотела сказать, что вы выглядите очень молодо.

Все больше заливаясь краской, она закрыла глаза и больше ничего не сказала, опасаясь или будучи не в состоянии вырыть себе более глубокую яму. Я тотчас увидела для себя возможность сменить тему.

– Мама, – сказала я. – По-моему, ты еще не знакома с Ребеккой Эджертон. Она готовит о тебе материал для местной газеты. Ребекка, это моя мать, Джинетт Приоло.

Выгнув одну бровь на манер оперной дивы, мать протянула затянутую в перчатку руку.

– О да. Если не ошибаюсь, мы кратко поговорили один раз. И с тех пор вы оставили мне несколько сообщений. Как приятно познакомиться с вами лично. – Она даже не извинилась за то, что не ответила на сообщения.

– Взаимно, – сказала Ребекка, осторожно беря протянутую руку. Вид у нее был жалкий, учитывая, что она лично неким образом организовала эту встречу со своей жертвой.

Мать повернулась ко мне.

– Мелани, может быть, сорок, но она с каждым годом становится все красивее, не так ли, Джек? – Мать с улыбкой повернулась к Джеку.

– Как лак на старинной мебели, – ответил он, улыбаясь. – Лишь красивее и с приятным блеском.

Я сердито посмотрела на него – не скажу, что сравнение со шкафом пришлось мне по душе, – а затем повернулась к матери. Будь комментарий не от нее, а от кого-то еще, я бы ее обняла. Вместо этого, чувствуя на себе ее взгляд, я отвернулась. Я знала, она ждет ответа. Я невольно ощутила себя человеком, который только что рассказал маленькому ребенку правду о Санта-Клаусе.

Обняв меня за плечо, Джек наклонился к самому моему уху. Его дыхание ощущалось на моей голой шее легким покалыванием.

– Не переживай, Мелли. Это лишь на короткое время. Если я вдруг тебе понадобится, звони, и я тотчас примчусь на твое спасение.

Мой взгляд проделал путь от моей матери к Джеку и обратно. Миссис Тренхольм однажды сказала мне, что, по ее мнению, Джек способен очаровать кого угодно. Не знаю, что это было – комплимент в адрес сына или предупреждение в мой. В любом случае она была права. Этот хитрец Джек Тренхольм умел заставить меня делать то, чего мне не хотелось.

Я медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы.

– Ладно, – сказал я. – Уговорили. Какнибудь потерплю один месяц.

Софи смущенно попереминалась в своих «биркенстоках» и исподтишка обменялась взглядом с Чэдом.

– Месяц – это по нашим первоначальным прикидкам. Всегда есть вероятность, что на самом деле на это уйдет больше времени. Например, если на улице ливень, высокая влажность задержит высыхание досок под слоями морилки и герметика. Как ты понимаешь, мы бессильны что-либо с этим поделать, но это может существенно увеличить срок.

– Можешь жить у меня столько, сколько тебе нужно, Мелли. Мой дом всегда открыт для тебя. – Мать улыбнулась, и я поспешила отвести взгляд.

Я тотчас представила себя в бочке, летящей к огромному водопаду, и я ничего не могла с этим поделать.

От ответа меня избавил писк Генерала Ли, а затем он сам выбежал ко мне из вестибюля. Я подняла его и внимательно осмотрела. Убедившись, что с ним все в порядке, я вышла из комнаты в вестибюль и увидела там Ребекку. Она забрела туда, пока остальные уламывали меня переселиться к матери.

Она поедала взглядом портрет двух девочек. Я привезла картину к себе на временное хранение, пока предыдущие жильцы дома на Легар-стрит вывозили свои вещи. Портрет стоял, приставленный к недавно оштукатуренной стене вестибюля. Мне не раз хотелось повернуть его лицом к стене, лишь бы не ощущать на себе взгляды двух юных барышень, смотревших на меня с холста. Услышав мои шаги, Ребекка подняла голову.

– Извините. Должно быть, я слишком сильно его обняла. Просто... – Она указала на картину. – Точно такая же приснилась мне в моем сне..

– Что такое? – Джек подошел ближе и положил ей на плечо руку. Я тотчас мысленно отругала себя за то, что позволила раздражению по поводу этого небольшого контакта взять надо мной верх.

Держа пса на руках как своего рода экран между мной и картиной, я шагнула ближе и повернулась к Джеку:

– Я не успела показать тебе, что мы с матерью нашли на чердаке дома на Легар-стрит. Мы не знаем, кто эти девочки, но обстановка кажется смутно знакомой. Хотела спросить у тебя, знакомы ли тебе их лица или обстановка.

Внимательно изучив картину, Джек медленно покачал головой:

– Я определенно вижу семейное сходство. Но опять-таки... – Он, прищурившись, посмотрел на меня и помолчал. – Я не уверен.

– Посмотрите, – сказала Ребекка, указывая на медальон, спрятанный на груди у высокой девочки. Ее указательный палец дрогнул. Она быстро убрала его в кулак, как будто не хотела, чтобы кто-то это заметил.

– У них у каждой по медальону, – сказала я, пристально на нее глядя. – Вы что-то узнаете? Например, дом?

Ребекка ответила не сразу:

– Нет. Ничего. Просто это так поразительно.

Она присела на корточки, чтобы разглядеть картину ближе, как я до нее, но я засомневалась, что причиной тому слабое зрение. По моим прикидкам, она была лет на пять моложе меня. Я машинально посмотрела на ее пробор, не блеснет ли в ее волосах седина. И не увидела ни одного седого волоска.

Джек поднял свой мобильник и сделал снимок.

– Хочу показать это Ивонне Крейг в Историческом обществе. Я ничего не узнаю на этой картине, но вдруг узнает она.

Я тотчас вспомнила нашу встречу с Ивонной, когда мы с Джеком занимались разгадкой тайн моего дома на Трэдд-стрит. Признаюсь честно, я немного ревную ее: Джек всякий раз произносит ее имя с удивительной нежностью и проводит в ее обществе огромное количество времени. Лишь познакомившись с ней – в комплекте с палочкой и ходунками, – я поняла, что Джек нарочно водил меня за нос и что мисс Крейг годилась ему в бабушки.

– Мне можно с тобой? – спросила Ребекка, широко раскрыв голубые глаза.

Я только что хотела спросить то же самое, но теперь промолчала. Тащиться вместе с ними в роли третьего колеса вдохновляло ничуть не лучше перспективы целый месяц прожить вместе с матерью.

Джек вернул телефон в карман и посмотрел на меня. Я уже приготовила вежливый способ отклонить его предложение составить им компанию, когда он сказал:

– Думаю, тебе лучше остаться и начать собирать вещи для переезда к матери. С радостью помогу перевезти их, когда у тебя все будет готово.

Я ощутила себя воздушным шаром, из которого сначала убежал весь воздух, а затем его переехал грузовик. Дважды. Я заставила себя улыбнуться.

– Я как раз собиралась сказать то же самое.

Чэд и Софи извинились и вернулись к созерцанию раздвижных дверей. Я проводила остальную часть компании к входной двери.

– Позвони мне, если что-то узнаешь, – сказала я Джеку.

Ребекка вручила моей матери свою визитку. Мать, поколебавшись, приняла ее.

– На тот случай, если вы удалили мои сообщения на автоответчике, – сказала Ребекка. Ее взгляд не выдавал никаких эмоций. – Очень хотелось бы договориться о времени и взять у вас интервью.

Джинетт изящно пожала плечами:

– Боюсь, что в ближайшее время это невозможно. Я должна вернуться в Нью-Йорк. Надо выставить на продажу квартиру, а затем собрать все вещи. Но я непременно позвоню вам, как только улажу все свои дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.